

НИКАКИХ
ЗАПРЕТНЫХ
ТЕМ

О Л Ь Г А

ВОЛОДАРСКАЯ

КРАСАВИЦА-ЧУДОВИЩЕ

Ольга Володарская
Красавица-чудовище

«ЭКСМО»

2015

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Володарская О. Г.

Красавица-чудовище / О. Г. Володарская — «Эксмо», 2015

ISBN 978-5-699-84489-0

Она была одновременно и красавицей, и чудовищем! Виолой и Верой. Вера родилась с ужасными физическими недостатками, но смогла избавиться от них, пойдя на рискованную пластическую операцию. Просто хотела стать как все, но превратилась в красавицу. И взяла себе новое имя, чтобы ничего не напоминало о прошлом... Ее подруга Олеся была другой. Многочисленные операции она делала, желая подогнать свое лицо и тело под современные стандарты красоты. И она добилась своего – стала эталоном. Только насладиться этим не успела: ее зарезали, а прекрасное лицо обезобразили... Когда началось следствие, выяснилось – Олеся не первая пациентка клиники красоты, которую убили подобным образом. И не последняя, если верить предчувствиям следователя...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-84489-0

© Володарская О. Г., 2015
© Эксмо, 2015

Содержание

Пролог	6
Часть первая	8
Глава 1	8
Глава 2	15
Глава 3	25
Глава 4	29
Глава 5	34
Глава 6	39
Часть вторая	42
Глава 1	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Ольга Володарская

Красавица-чудовище

© Володарская О., 2015

© ООО «Издательство «Э», 2015

* * *

Пролог

Красотуля стояла перед большим зеркалом и с удовольствием рассматривала свое отражение.

Хороша... Право слово, хороша!

Нет, не так...

Идеальна! Она сделала шаг назад, чтобы отражаться в зеркале целиком, а то ног не видно. А ноги хоть куда. Особенно выигрышно смотрятся в классических лодочках на высоком каблуке и юбке фасона «колокол», что на ней сейчас. Красотуля была девушкой модной. Следила за всеми тенденциями. Но никогда не надевала на себя то, что ее уродовало. Например, громоздких босоножек на толстом каблуке или тракторной подошве, что носили сейчас ее подружки из мира гламура. В такой обуви ноги казались слишком тонкими. А еще она вызывала у Красотули ассоциации с кандалами, а ей хотелось парить, летать!

Изящные туфельки. Юбка-колокол с набивным рисунком по подолу и высоким кожаными поясом. К такой подходит очень простой верх. И Красотуля надела сегодня обычную белую рубашку. Закатала рукава. Расстегнула три верхние пуговицы, чтоб не выглядеть как ученица и, главное, продемонстрировать декольте. На шею – толстую цепочку с подвеской в форме пиона из серебра и глазури. На запястье массивные часы и несколько тонких браслетов.

Прическа простая. Пучок на макушке. И небрежная челка, закрывающая густую, по последней моде, бровь.

Красотуля открыла сумочку, достала из нее блеск «Шанель», матовый, цвета «суприм», ее любимый. Нанесла на губы, освежила, так сказать. Без помады или блеска ни одна современная девушка на люди не покажется. Привлечь внимание к губам, это так важно! Тем более если они такие пухлые, как у Красотули.

– Чмоки, чмоки! – хихикнула она и послала своему отражению два поцелуйчика.

Нет, совершенно точно... Не просто хороша – идеальна!

В туалете Красотуля была одна. Помещение маленькое, на две кабинки, но очень красивое. Плитка под венецианскую, раковина а-ля фонтан, с двух сторон от нее светильники, стилизованные под римские газовые фонари. Просто крохотный кусочек Италии...

Как здесь не сфотографироваться!

Красотуля достала телефон, включила камеру. Поза номер один – шелк. Два – шелк. Три – шелк. Беспроигрышных, отработанных тысячи раз поз у нее было три. Но на всякий случай Красотуля сделала еще несколько кадров. Просмотрев все, удовлетворенно кивнула. Везде сногшибательна. Сразу даже и не выбрать, какой снимок выкладывать в Сеть. Придется коллаж делать...

Не отрывая взгляда от телефона, Красотуля покинула ресторан. Он уже закрывался, и администратора, что встречал и провожал гостей, не было в фойе. Красотуля толкнула дверь и вышла на улицу.

Прохладно! Поежившись, девушка пошла к ярко освещенному проспекту (ресторан находился в тихом переулке). Спать не хотелось, поэтому Красотуля намеревалась заскочить еще в одно место. Телефон по-прежнему оставался в руке, она открыла телефонную книжку, чтобы найти номер одной из подруг. Красотуле хотелось компании!

И только она собралась коснуться нужного номера, чтобы осуществить дозвон, как услышала жалобное мяуканье. Где-то плакал котик. Зверек либо попал в беду, либо просто умирал от голода. Красотуля не могла пройти мимо. Поэтому остановилась и позвала:

– Кис-кис-кис!

Но котенок не выходил на дорогу. У него могли быть перебиты лапки. Красотуля не так давно нашла с такой травмой собаку, которую сшибла машина. Она подобрала песика, вылечила и пристроила в добрые руки. Теперь ее помощь требуется котенку.

Красотуля шагнула в кусты, раздвинула ветки...

И увидела человека. Он стоял, чуть согнувшись, готовый к броску, и издавал те звуки, которые слышала девушка. Он заманил в заросли кошачьим плачем ее? Зачем?

Красотуля не успела перебрать все варианты. Только два – чтобы ограбить или изнасиловать. Последний – убить – остался не перечислен...

Девушка почувствовала острую боль в области сердца. Она рухнула на влажную траву. И, получив еще несколько ударов, умерла.

Часть первая

Глава 1

Она с детства привыкла к косым взглядам. И с некоторых пор перестала обращать на них внимание... Подумаешь, кто-то таращится на нее. Ерунда! Шепот за спиной тоже стал чем-то обыденным и не задевал. Ей было шесть, когда она поняла – все это мелочи... Взгляды, шепот...

Мелочи по сравнению с физическим насилием!

Впервые ее ударили именно тогда. Бабушка, которая обычно не отходила от внучки ни на шаг, недоглядела, заболталась с соседкой, и Верочка убежала на детскую площадку, чтобы поиграть с другими ребятами. Ей всегда этого хотелось, но взрослые не разрешали, уводили прочь, стоило Вере приблизиться к компании дворовой детворы. Родители и бабушка, опекавшая ее, позволяли играть только с сестрой и двоюродным братом.

И вот наконец Вера смогла улизнуть. Она была так этому рада, что смеялась от восторга. Хохоча, она подбежала к трем девочкам и одному мальчику, что играли в песочнице в магазин, и попросила принять ее в игру.

Дети уставились на нее с удивлением.

– Кто это? – шепотом спросила одна из девочек, самая маленькая, лет четырех, у мальчишки. Он, судя по внешнему сходству, был ее братом.

Мальчишка пожал плечами. Эти двое были не из их дома, и Веру не знали.

– Так я поиграю с вами? – переспросила Вера и перешагнула через бортик песочницы.

– Стас, я ее боюсь! – завопила девочка и спряталась за спину брата.

– Да не бойся, Светка, – бросила ей самая старшая из компании. – Это Верка Лебедева.

Она соседка моя. Через подъезд живет.

Вера энергично закивала головой. Она узнала свою заступницу.

– Я думала, такие чудища только в лесу живут, – прошептала Света.

– Говорят, ее там и нашли, – вступила в разговор третья девочка. – Но пожалели и домой притащили. Научили говорить и есть ложкой...

Эти слова не задели Веру. Она не раз слышала такое от других. И, несмотря на то что бабушка ей всегда твердила – держись подальше от тех людей, кто говорит о тебе всякие гадости, Верочка не только осталась в песочнице, но и сделала шаг вперед, чтобы приблизиться к ребятам. Ей очень хотелось поиграть!

– Стас! – закричала Света в ужасе. – Не подпускай ее ко мне!

Мальчишка вскочил на ноги и преградил Вере путь.

– Уйди, – прорычал он.

– Я ничего плохого не хотела, – пролепетала Вера.

– Такие, как она, сглазить могут, – снова встряла соседка.

Света захныкала.

Услышав плач сестры, Стас толкнул Веру в грудь. Она была девочкой крупной, поэтому устояла. Тогда мальчишка ударил ее кулаком в плечо. Ее отбросило назад. Ударившись ногами о бортик песочницы, Вера кувыркнулась и упала. От боли у нее потемнело в глазах. Но заплакала Вера от обиды.

За что они так?

С трудом поднявшись на ноги, Вера бросилась прочь от песочницы. Падая, она ударилась и разбила в кровь локоть.

Сквозь слезы она увидела бабушку, бегущую ей навстречу. С ревом она кинулась в ее объятия.

– Что случилось, Верочка? – перепуганно спросила старушка.

Но девочка не могла говорить. Она жалась к бабушке, пачкая ее и себя кровью, и плакала, плакала...

Успокоилась она только дома. И после того как ее умыли, переодели, смазали локоть зеленкой и напоили любимым кефиром с сахаром, Вера рассказала бабушке, что произошло.

– Теперь ты понимаешь, почему мы против твоих игр с соседскими ребятами? – В глазах старушки стояли слезы. Но она сдерживалась, чтоб внучка опять не разнервничалась. – Мы боялись, что они обидят тебя.

– Но почему? Почему они меня обижают?

– Ты не такая, как все. А некоторые люди, особенно если они маленькие, еще несмышленные, таких... – Она хотела сказать «боятся», но выразилась иначе: – Стороняйся.

– Потому что я чудище? И вы меня нашли в лесу?

– Верочка, солнышко, я же тебе уже не раз говорила, что ты дочка своих мамы и папы. Ты моя внучка...

– Тогда почему я не такая, как вы? – резко перебила ее девочка. – Я не похожа ни на папу, ни на маму, ни на тебя...

– Так бывает. Например, твой двоюродный брат. Его родители беленькие, голубоглазые, а он рыжий, и радужка у него черная...

– Бабушка, он не похож на чудище! – закричала Вера. – Он человек! А я?

– Ты тоже человек, детка. Просто не такой, как все...

Бабушка протянула руку, чтобы приласкать внучку, но та отстранилась и вскочила на ноги. Вера бросилась к зеркалу и стала бить себя по лицу.

– Нет, нет, нет! – задыхалась она. – Я чудище, чудище!..

Вдруг она схватила с туалетного столика ножницы и воткнула себе в лоб. Кровь брызнула таким мощным фонтаном, что залила треть зеркальной поверхности. Бабушка охнула и бросилась на помощь. Но та увернулась и побежала к балконной двери. Дверь была распахнута – на улице жара, – а жили они на восьмом этаже... Старушка понимала, не догонит, Вера прыгнет...

Как ей удасть настигнуть внучку, она сама не понимала. Но все же смогла. Сграбастала, рванула на себя, когда девочка уже за перила схватилась, и отволокла в комнату. На счастье, в это время с работы вернулся Верин папа. Он помог теще утихомирить ребенка и вызвал «Скорую».

Веру увезли, госпитализировали. Пока она лежала в больнице, родители и бабушка искали психолога. Специалиста, который помог бы справиться с проблемами. Те, кто наблюдал Веру до этого, судя по последней реакции ребенка на стресс, оказались бессильны!

...Вера родилась в благополучной семье в положенный срок. Родители ждали девочку (УЗИ показало пол ребенка) и очень были этому рады. Им хотелось именно доченьку. Веру. Знали, что она будет крепенькой и скорее всего темноволосой – в роду обоих родителей были только брюнеты. Так и вышло. Вот только никто и думать не мог, что ребенок родится с физическими отклонениями. Мама с папой молодые, здоровые, с хорошей наследственностью. Их ближайшие родственники без явных патологий. Зачат был ребенок по трезвости. Беременность проходила ровно, спокойно, без каких-либо инцидентов. Поэтому проверять плод на «генетику» не стали. Мамочке два раза сделали УЗИ, и ни одно не показало отклонений. Голова была признана несколько крупноватой, но такое наблюдается сплошь и рядом. Например, мама Веры родилась, как выражалась бабушка, очень башкастой. И до полутора лет оставалась такой. Ей даже кличку дали Головастик. Все решили, что Вера пойдет в нее...

Ошиблись!

Когда роженица увидела свое чадо, то потеряла сознание. Так оно было безобразно! Неровный череп с шишкой на левой стороне, под шишкой полузакрытый глаз, нос набок, вместо правой скулы вмятина.

– Квазимодо, – выдохнула Верина мама, перед тем как отключиться.

И врачи вынуждены были с нею согласиться. Примерно таким описывался один из главных героев романа Гюго «Собор Парижской Богоматери». Только у книжного Квазимодо еще горб имелся, а Верочка телом уродилась нормальной.

– Она нормальная? – первое, что спросила у врачей молодая мама, когда поняла, что Вера совершенно точно похожа на Квазимодо – сначала она тешила себя надеждой, что это сон или галлюцинация.

Те пожимали плечами. Никто не мог дать точного ответа. Ребенка нужно было наблюдать хотя бы несколько месяцев, чтобы спрогнозировать его развитие. Роженице сразу предложили отдать девочку в дом инвалидов. Но она, ни секунды не колеблясь, отказалась. Муж ее в этом поддержал. А вот мать...

Вера не знала, что бабушка, проводившая с ней больше всего времени, уговаривала дочь избавиться от ребенка. С таким намучаешься! И это ладно, если он просто уродлив, полбеда, а вдруг еще и умственно отсталый... Да, скорее всего, так и есть! Опухоли на голове не могут не повлиять на содержание этой самой головы, не повлиять на состояние мозга.

Но бабушка ошиблась в своих мрачных прогнозах. Девочка оказалась нормальной. Более того, очень развитой, сообразительной. Могла бы пойти в школу в шесть лет, поскольку умела читать и считать уже в пять с половиной. Вот только не могли родители Веру туда отправить. Ни в шесть, ни в семь, ни даже в восемь. Девочка занималась дома.

Преподавательницу Веры звали Елена Геннадьевна. Хотя уместнее было бы к ней обращаться – Леночка. Молоденькая, хрупкая, со светлыми волосами, заплетенными в косу, она производила несерьезное впечатление. Учительница? С высшим образованием? Да не смешите! Она даже на десятиклассницу не похожа. Сущий ребенок. Причем робкий. Один тихий голосок чего стоит! Да и кроткий взгляд о многом говорит...

Так думали родители Веры, познакомившись с Леночкой. Да только ошибались. Преподавательница оказалась боевой, волевой и очень опытной. Еще будучи студенткой второго курса, она начала заниматься с проблемными детьми. А получив диплом преподавателя начальных классов, не покончила с учебой, а стала получать второе, уже психологическое, образование. Да и лет ей было не так мало, как казалось на первый взгляд: двадцать пять.

А вот Веруше учительница сразу понравилась. Красивая, нежная... А голосок будто бы ручеек. Сама Вера была басовитой. Толстой и уродливой! А Леночка хрупкая, прекрасная, как принцесса. Вере так хотелось быть такой же...

В отличие от большинства подобных себе Вера не завидовала красивым людям, она ими восхищалась!

Как-то, на третьем или пятом занятии, Елена Геннадьевна спросила:

– Какая твоя любимая сказка?

– «Аленький цветочек», – ответила Вера.

– Почему именно она?

– Не знаю... Нравится.

Учительница больше не стала допытываться, они занялись уроками. Но задала «на дом» написать сочинение на тему «Почему я люблю сказку «Аленький цветочек». Вера что-то там сочинила. Леночке не понравилось. За грамотность она поставила пять, а за содержание три, сказала: «Тема не раскрыта».

К сказке они вернулись спустя некоторое время. Елена Геннадьевна поинтересовалась, на кого из сказочных персонажей Вера считает себя похожей. Та ответила честно – на чудовище лесное.

– Поэтому ты любишь «Аленький цветочек»?

Вера пожала плечами. Ей не хотелось признаваться в том, что она считает себя заколдованной. И ждет, когда появится тот, кто полюбит ее за добрую душу, чтобы чары рассеялись. Но Леночка, казалось, читала ее мысли:

– Тебя обязательно кто-то полюбит за добрую душу, – мягко проговорила она. – Но так как ты не заколдована, то внешне не изменишься. Ты это понимаешь?

– А вдруг?

– Чудес не бывает, Верочка. Увы. Поэтому я посоветовала бы тебе почитать «Гадкого утенка».

– Я читала!

– И что скажешь?

– Я не превращусь в белого лебедя, – пожала плечами Вера. – Это так же нереально, как чудовищу стать принцем.

– Почему же нереально? В наше-то время.

– Не понимаю...

– Конечно, как в случае с утенком, это не произойдет. Но ты все равно можешь превратиться в лебедя.

– Как? – Вера распахнула глаза. Один стал огромным, второй лишь чуть приоткрылся.

– Ты слышала о пластических операциях?

– Конечно, – сразу сникла девочка. – Мама с папой меня возили к специалистам. Все говорили, что таким, как я, не поможешь.

– Медицина не стоит на месте, Верочка. Еще десять лет назад никто не думал, что человеческое сердце можно заменить искусственным, а сейчас подобные операции проводят повсеместно. Не отчаивайся, Веруша. А главное, не озлобляйся. Пусть твое сердце остается добрым, как у того чудища, потому что любят прежде всего за него...

Тот разговор сильно повлиял на Веру. Она очень изменилась, стала более радостной, не такой закрытой... и очень усердной. Если сначала девочка училась без особого желания, через силу, то теперь начала заниматься старательно и с удовольствием. Не просто выполняла все задания, требовала дополнительных. Все операции стоят больших денег, а пластические тем более. Родители Веры небогаты, и это значит, что она сама должна будет хорошо зарабатывать. Чтобы иметь хороший доход, надо учиться. А ей особенно, потому что красота и талант, две главные вещи, приносящие деньги женщине, Вере не достались. Хорошо хоть мозгами Господь не обделил! И на том спасибо...

Вера получила аттестат вместе со сверстниками. Причем последние четыре года училась в обычной школе. Сама настояла – домашнее обучение не давало той полноты знаний, к которой она стремилась. После школы – институт. Вера поступила на заочное отделение финансовой академии. Прошла по баллам на бюджетное, но ее и еще троих подвинули «блатные». В итоге в вузе остались двое – мальчик, родители которого смогли потянуть платное обучение, и Вера. Она добилась зачисления, воспользовавшись льготами инвалида. Переборола сначала робость, потом стыд и пошла обивать пороги.

В восемнадцать Вере сделали первую пластическую операцию. Она была плановой, поэтому бесплатной. Девушке поставили имплантат скулы. В двадцать она сделала ринопластику. Через полгода подтянула веко. Кардинально эти операции облик Веры не изменили. Шишка на лбу продолжала ее уродовать, и асимметрия лица хоть и стала не такой явной, осталась. И все же девушка радовалась даже таким незначительным изменениям. Тем более, прикрыв глаза солнцезащитными очками и натянув на голову объемную шапку, она могла слиться с толпой. В нее никто не тыкал пальцем, не называл чудищем.

Только Вере было этого мало. Она мечтала о полном преображении. Но никто из российских специалистов не брался оперировать ее череп. Ни за какие деньги! Вера не сдава-

лась, отправляла электронные письма заграничным эскулапам. Записывалась на консультации. Благо с появлением скайпа все упростилось, и первичный осмотр можно было провести, не отходя от компьютера. Иначе Вера истратила бы кучу денег на перелеты в разные страны, чтобы получить отрицательный ответ. Все врачи, с которыми она вступала в контакт, отказывали ей. Все, кроме одного. Этот доктор имел клинику в Израиле, славился своим новаторством, и Верин случай показался ему интересным. Он ничего не обещал, но желал провести обследование и по его результатам вынести вердикт. Окрыленная Вера полетела в Тель-Авив, мечтая о том, как вернется с Обетованной земли белым лебедем. Но, увы...

Доктор, проведя тщательный осмотр потенциальной пациентки, развел руками. Он ничего не мог сделать. Риск повредить мозг был очень велик. Вере посоветовали либо смириться со своим недостатком, либо ждать, когда медицина сделает еще несколько шагов вперед. Но Вера была не из тех, кто готов смириться.

Значит, снова ждать? Да сколько же можно?

Прошло еще полтора года. Вера продолжала искать врача, который возьмется ее оперировать. Добралась даже до заокеанских. Консультировалась со многими. Даже со светилами науки. Готова была потратить все, что имела, и влезть в долги, лишь бы лечь под нож. Но все специалисты дорожили своей репутацией, не хотели идти на риск. Смерть пациента или его инвалидность – все равно что черная метка.

И вот однажды, когда Вера уже отчаялась... Ей пришло письмо от молодого врача с Филиппин. Он работал какое-то время ассистентом у одного из американских профессоров, к которому Вера обращалась, и был знаком с ее проблемой. По мнению доктора, случай был не безнадежен. Он готов был прооперировать Веру в своей клинике, которую открыл у себя на родине.

Вера понимала, какому риску себя подвергает, и все равно отправилась на Филиппины. Подписав кучу бумаг, освобождающих хирурга от ответственности в случае летального исхода, Вера легла под нож.

Риск оправдался – операция прошла успешно!

Если не считать одной мелочи – швы загнили. Когда медсестра обрабатывала ее бритый череп, Вера смеялась сквозь слезы. Филиппинский паренек (хирургу было двадцать семь, но выглядел он на девятнадцать) справился с тем, за что не взялся ни один именитый доктор, провел сложнейшую операцию по коррекции черепной коробки, но умудрился занести инфекцию в кожный покров, когда латал его.

Когда швы зажили, она снова обратилась к пластическому хирургу, уже российскому, и убрала рубцы при помощи лазера. Это была последняя операция. Оставалось только отращивать волосы, сделать красивую стрижку, подобрать макияж и...

Сменить имя. Вера хотела родиться заново.

Так она стала Виолой.

* * *

Виола сидела перед зеркалом и плавными движениями втирала в кожу крем. Делала она это дважды в день. Утром и вечером. Она могла не поесть, не поспать, не пробежать свои пять километров на дорожке, не выпить кофе, без которого ее давление опускалось до такой степени, что кружилась голова, но не нанести на лицо крем она себе не позволяла.

У Виолы была сияющая кожа. Ее как будто наполняло солнце. Чистая, гладкая, в меру смуглая, она была прекрасна. Кожа – единственное, чем Виола могла гордиться. Понимание этого пришло к ней лет в тринадцать, когда у сверстников, вступивших в переходный возраст, начались кожные проблемы: прыщи, сальность, покраснения, раздражения. А у Виолы кожа как была безупречной, так и осталась. Ее тетка, мамина сестра, сын которой вдруг «рас-

цвел» и стал похож на пупырчатую жабу, отметила это первой. Она работала косметологом в очень приличном салоне и поставляла своему чаду лучшие средства по уходу за проблемной кожей, но тот продолжал «цвести». Красивый мальчик, самый популярный в классе, пламенел прыщами, делая плохую рекламу не только себе, но и маме-косметологу. «Тебе несказанно повезло, девочка, – сказала она как-то Виоле, погладив ее по бархатистой щечке. – У тебя такая кожа, будто ты за щеками держишь по солнечному шару... Береги ее! Когда станешь взрослой, мажь лицо утром и вечером. Увлажняй, чтоб солнце не иссушило кожу, превратив в пустыню...»

Виола не стала ждать взросления. Начала пользоваться кремами в четырнадцать. Потому что сохранять в красоте больше было нечего. Только кожу. Над остальным пришлось работать и работать. Даже над волосами, которые были неплохие. Темные, густые, с рыжей искрой, они заплетались в тяжелую косу, но были тусклыми и склонными к ломкости. Мама наносила на них простоквашу перед мытьем. Виола, пока была ребенком, мирилась с этим. Хотя терпеть не могла запах кислого молока. Но когда повзрослела, стала покупать дорогие профессиональные средства для волос. Они, возможно, давали тот же эффект, что и простокваша, но источали дивный аромат и наносились приятнее. Совершив привычный ритуал, Виола убрала баночку с кремом в ящик и помыла руки. Их следовало мазать другим средством. Перепробовав многие, Виола остановилась на дешевом отечественном продукте на основе козьего молока. После него ручки становились бархатными. Когда кожа напиталась, Виола стала расчесывать волосы. С недавних пор она носила стрижку «каре». Естественно, с челкой. Очень густой и длинной. Без нее Виола не представляла своей жизни последние пять лет. С тех пор, как сделала операцию, последствием которой стал шрам на лбу. Он начинался над бровью и заканчивался под волосами. Даже после лазерной шлифовки он остался заметен. Виола приподняла челку и взглянула на лоб...

Страшно!

Но не так, как было до операции.

Виола вернула волосы на место, обрызгала их лаком и покинула ванную комнату. Теперь кофе и круассан с маслом и мандариновым джемом. А пять километров она пробежит днем – сегодня у нее не так много дел, и домой Виола вернется в час, максимум в два. Она брала как-то абонемент в спортзал. Думала бегать там. Но после нескольких посещений поняла, что не может заниматься спортом на людях. Стесняется. И приобрела дорожку, самую крутую, профессиональную. Да еще прикупила пару тренажеров для рук и пресса. Виоле с комплекцией повезло не так сильно, как с кожей. Но и сказать, что угораздило, тоже нельзя. Кость широкая, склонность к полноте, но пропорции правильные. Поэтому, когда Виола поправлялась, то не превращалась во что-то бесформенное, похожее на палку докторской, как и в грушу или боровика, мощного сверху, но относительно стройного снизу. Толстая Виола своим станом напоминала контрабас. Вот только этот музыкальный инструмент ей никогда не казался прекрасным. Тогда как гитара...

Когда Виола была в форме, то телом была похожа на нее.

Виола сварила себе кофе, погрела круассан в микроволновке, положила в блюдце джем. И села завтракать. Пировала она только по утрам. Углеводы, углеводы, углеводы. На обед одни белки: мясо, рыба, яйца. От ужина же Виола вообще обычно отказывалась. А вот в чем не могла себе отказать, так это в фужере белого полусухого вина. Красное ей тоже нравилось, но от него разыгрывался аппетит. Почему, она не знала. Возможно, все дело было в ассоциациях. Ее родители любили выезды на природу, в лес, луга, на речной берег, и всегда, независимо от сезона, жарили на свежем воздухе шашлыки. И запивали их красным вином. Даже детям наливали по граммულке. Виола помнила, как прихлебывала каберне, поедая пахнущее костром мясо. Это было фантастически вкусно! Даже если на углях готовилась не баранина и свинина, а куря-

тина, причем американская. «Бушевские» окорочка были очень популярны в тот период, когда Виола росла.

Позавтракав, она убрала посуду в раковину, чтобы помыть вечером. Надо же чем-то заниматься в это время суток. А сейчас есть другие дела. Их не так много, как обычно, и все же: подкраситься, выбрать наряд, собрать сумку, и все это за пятнадцать минут.

Виола начала с макияжа. Красилась она не всегда, но обязательно наносила тональный крем и тушь на ресницы. Однако сегодня ей требовалась полная «боевая раскраска». Предстояла важная встреча, выглядеть нужно было на все сто.

У нее были красивые серо-зеленые глаза. Если Виола просто покрывала тушью ресницы, глаза выглядели выразительно. Но когда на верхнее веко наносились подводка и тени, обычно дымчатые, иногда изумрудные, то глаза становились просто колдовскими. А губы, покрытые яркой помадой, манящими. Виола знала женщин, которых макияж не сильно менял, но она к ним не относилась. Накрашенная, она превращалась в сногшибательную красотку. Сегодня был тот день, когда это требовалось.

Закончив с макияжем, Виола оделась. Долго наряд не выбирала, время поджимало. Остановилась на юбке-карандаше и шифоновой блузе с бантом на шее. Стиль ретро женственен и всегда актуален. Беспроигрышный вариант для любых встреч, для деловых в том числе.

На ноги туфли на высоком каблуке. Под мышку замшевую сумку им в тон. И финальный штрих – капля духов, которых у Виолы большая коллекция. Она обожала изысканные ароматы. Особенно свежие. Но для сегодняшнего выхода она выбрала классический – «Шанель № 5».

Все, она готова.

Последний взгляд в зеркало. Придирчивый. И немного испуганный. Что, если в нем отразится чудовище? Но нет...

Красавица.

Виола улыбнулась красавице в зеркале и покинула квартиру.

Глава 2

Матвей с недоумением смотрел на мать. Та только что сообщила ему, что выходит замуж.

– Я ослышался, да? – спросил он.

– Я выхожу замуж, – повторила она.

– За кого?

– За Федора.

– Шутишь?

Мать закатила глаза и развернулась, чтобы уйти, но Матвей остановил ее, схватив за руку:

– То есть ты серьезно?

– Да! – рявкнула мать.

– Ты, конечно, всегда была эксцентричной, но... но не настолько же! Федор – мой ровесник.

– Старше на пять лет.

– Да, это существенно меняет дело, – с издевкой протянул Матвей. – Но то, что он безработный, тебя не смущает?

– Он работает, – возмутилась мать.

– Где? – с интересом спросил сын.

– Дома. А спросить надо было – над чем?

– А... Понял. Речь идет о гениальном литературном труде, который был начат в прошлом году? И как, дело близится к развязке?

– Не язви. Ты не понимаешь, как тяжело дается творчество.

– Да где уж мне? Ведь я не работаю в издательстве и не встречаюсь с авторами.

– Все они ремесленники!

– Штамповщики еще скажи. Ведь это любимое слово твоего драгоценного Феди. Именно так он характеризует современных писателей.

– А что, он не прав?

Матвей мысленно застонал. В том, что его мать связалась с неудачником, была часть его вины. Именно он их познакомил.

Федор обивал пороги издательства давно. Все пытался продвинуть свои произведения. Вот только они хоть и были неплохо написаны, но, как правило, оказывались либо слишком маленькие по объему, либо откровенно недоработанными, либо просто незаконченными. Редакторы, что знакомились с ними, советовали Федору довести их до ума, но тот как будто не слышал и в следующий раз являлся с новым, таким же «сырым», а зачастую «кастрированным» произведением.

Матвей в издательстве занимал должность пиар-менеджера. От литературы был на расстоянии. Читал только тех авторов, с которыми работал. Но с Фединамими трудами ознакомился. Не со всеми, конечно, а с некоторыми. Дело в том, что тот сунул ему папку, когда Матвей выходил из здания издательства вместе с одним из редакторов, девушкой Катей, с которой тогда встречался. Федор знал в лицо всех околослитературных людей и кинулся к ней. Но Катя умело ушла от преследования. А вот Матвей растерялся и не заметил, как в его руках оказались рукописи. Он кинул их на заднее сиденье и забыл. Но как-то в огромной пробке, когда нечем было заняться, потому что гаджет сел, а зарядник сломался, Матвей взялся за труды Федора.

В литературе он разбирался, хотя и не был тонким ценителем. Что слог? Что композиция? Главное, выдать доброкачественный продукт. Он интересен, а значит, продаваем. Матвей, знакомый с творчеством Кафки, поражался тому, что этот автор востребован. Две более-менее приличные повести и куча хлама. Вот она – сила грамотного пиара! Именно реклама сделала Кафку КАФКОЙ! Конечно же, с ним многие не соглашались. Но Матвей оставался

при своем мнении. Того же Гоголя он тоже не любил. И Достоевского. Из зарубежных классиков – Моэма и Фейхтвангера. Но их творчество он принимал. Уважал этих авторов. Трудяги! А Кафка... Обычный графоман. И Федя такой же!

Сделав эти выводы, Матвей выкинул рукописи и хотел забыть об авторе, да вот только он постоянно о себе напоминал. Создавалось ощущение, что он ночует под дверями издательства. В принципе это было не так далеко от истины. Квартира, в которой проживал Федор вместе с родителями, бабушкой и сестрой, находилась в том же доме. И вот как-то к Матвею приехала мама. Он вышел, чтобы передать ей то, за чем она явилась (паспорт – они переоформляли квартиру, в которой Матвей был прописан), и тут Федор! Увидел знакомого, кинулся к нему по своей привычке. Матвей его отогнал. А вот мама, как оказалось, нет...

О том, что она вступила с непризнанным гением в отношения, Матвей узнал спустя два месяца. Когда без предупреждения заявился к матери. Открыл дверь своим ключом, зашел... И увидел Федора. Он сидел в кухне в одних семейных трусах и кушал борщ. Сказать, что Матвей удивился, было бы неправильно. Он обалдел! Мать раньше не тащила в дом всяких сомнительных личностей. Но, скорее всего, потому, что с ней проживал сын. А три года назад Матвей съехал на съемную квартиру, и мать, по всей видимости, почувствовав свободу, решила устроить личную жизнь. Под личной Матвей подразумевал сексуальную. Матушка была еще довольна молодой женщиной, а отец скончался очень давно. Конечно же, она имела потребности. Для их удовлетворения Федор вполне годился: молодой, вполне привлекательный и, судя по тому, что обтягивал ситец трусов, природой щедро одаренный. Опять же творческие мужчины всегда привлекали эксцентричных дам...

Но замуж за такого?

Это даже для матушки слишком!

– Зачем он тебе? – спросил Матвей, уняв раздражение.

– Я люблю его. Как и он меня. Когда между людьми вспыхивают чувства, они женятся.

– Лет в двадцать, возможно. Но в твоём возрасте головой надо думать. На что вы жить будете? На твою грошовую зарплату? Федя, судя по его комплекции, не дурак покушаться.

– Если ты беспокоишься о том, что я буду кланчить деньги у тебя...

– А что, нет? – хмыкнул Матвей. Матушка постоянно жаловалась на трудное материальное положение, и он помогал ей, хотя аренда квартиры сжирала половину ежемесячного дохода, и он сам не барствовал. Но как откажешь матери? Тем более, она не наглела. Разве что в последний месяц. Сколько ни дай, все мало. Теперь Матвей понял почему...

– Мы не попросим у тебя ни копейки! – ледяным тоном проговорила мать.

– Это хорошо, потому что я собрался взять кредит на машину. Моя сыпется уже, но я езжу. А что делать? У меня мама в трудном материальном положении. Но теперь у нее будет молодой муж, и он позаботится о ней не хуже меня. Так ведь?

Что ей оставалось? Только кивнуть.

Матвей любил мать, особенно в детстве, но он ее не понимал. Не понимал до такой степени, что она часто его раздражала. В женской логике Матвей немного разбирался, поскольку и учился, и работал в коллективах, где преобладали представительницы слабого пола. Да и лучшим его другом, как это ни странно, оказалась девушка. Вот только все они, и сокурсницы, и коллеги, и тем более «сеструха» (а он для подруги был «братухой»), оказывались ему понятны, а мать нет. Ее поступки не поддавались никакой логике, пусть и специфической. Человек-противоречие. Трижды она отказывала мужчинам, которые, на ее взгляд, были неудачниками. Дважды «малолеткам» – один был младше ее на двенадцать лет, второй на восемь. И вот она выходит замуж за малолетнего неудачника! Как так?

Злой и взъерошенный Матвей уселся в машину. У него были непослушные волосы. Чтобы уложить пристойную причёску, приходилось прилагать много усилий. Но если Матвей нервничал, то начинал волосы теребить, и вот результат! Когда он глянул в салонное зеркало,

то увидел... домовенка Кузю. Именно на этого мультяшного персонажа он походил, когда рас-трепывал прическу.

Пригладившись кое-как, Матвей завел мотор. Работал он не очень хорошо, покашливал, но машина пока ездил. Зазвонил телефон. Сеструха!

– Слушаю, – буркнул Матвей в трубку. Он все никак успокоиться не мог.

– А чего мы такие сердитые?

– Ты не поверишь!

– Я постараюсь.

– Маман замуж собралась.

– Неужели за того писаку?

– Как ты догадалась?

– Я знаю твою мать.

– Я нет, а ты знаешь?..

– Конечно. Она же женщина. Ты никогда нас не поймешь.

– Сама говорила, что я в вас разбираюсь. И понимаю вашу логику...

– Да. Лучше, чем все мужчины, которых я знаю. Но недостаточно. Когда ты ска-зал, что застукал этого непризнанного гения на кухне в одних трусах, я сразу подумала: все серьезно.

– Да почему? – вскричал Матвей. – У нее всегда была куча поклонников, и она отвергала всех. Хотя каждый из этих бедолаг был лучше Федора.

– Устала отвергать. Решила, пора сказать «да». Федор оказался в нужном месте в нужное время. Опять же не стоит сбрасывать со счетов то, что он умеет присесть на уши, все же лите-ратор, и, скорее всего, в силу возраста неплохо твою маму... Э...

– Я понял, – поспешил прервать ее Матвей. – Но что мне делать? Посоветуй.

– А что ты можешь? Только следить, чтоб писака не обобрал ее. Потому что влиять на твою мать невозможно.

– Брат у нее, к счастью, нечего. А квартира на меня оформлена.

– Матвей, она может взять кредит на какую-то крупную вещь. Купить ее. А потом этот проходимец потребуе доли.

– Половину телевизора?

– Сейчас разные займы! И на покупку машины, участка, малого бизнеса, в конце концов.

Ты как будто не знаешь!

– Да не надо ему ничего этого. Только литературной славы.

– Вот!

– Что – вот?

– Ведь можно книгу издать за свой счет? Сколько денег на это нужно?

– Не подумал, – устыдился Матвей.

– Поэтому я говорю тебе, следи. Будь в курсе. Пока тебе рано волноваться. Во-первых, твоя маман может и передумать. А во-вторых, Федор вряд ли закончит свой «шедевр», а фарш (кажется, так ты называешь недоработанное произведение?) печатать и за деньги не возьмется никто. Так что... узбогойся!

– Фу, что за сленг, сеструха? Еще себя позиционируешь как интеллигентную женщину.

– Кто? Я? Ты меня с кем-то путаешь, братуха.

Настроение Матвея улучшилось. Подруга действовала на него волшебным образом. Даже простой телефонный разговор с ней настраивал на позитивный лад.

– Может, пообедаем вместе? – спросил он.

– Давай. Я как раз собираюсь.

– Где засядем?

– Ой, только не в этих твоих сушечных...

– Да помню я, что ты не любишь японскую и китайскую кухни. При этом избегаешь русской, украинской и итальянской, потому что она калорийная. Восточная для тебя слишком острая. Французская неоправданно дорогая. Может, в «Мак»? Ты выпьешь капучино без сахара, а я слопаю чизбургер с картохой под молочный коктейль?

– Нет уж, мерси. Я хочу фужер сухого вина и отбивную из телятинки. А на десерт творожный мусс с грейпфрутовым конфитюром.

– Ага, понял, едем в «Невесомость».

Это новомодное заведение, открытое для людей, ведущих здоровый образ жизни (а скорее делающих вид), Матвей не любил. Блюда, что там подавались, были, на его взгляд, не особо вкусными, порции маленькими. Он не наедался.

– Когда сможешь подъехать? – деловито спросила сеструха.

– Через четверть часа, максимум двадцать минут, я неподалеку.

– Отлично, я примерно через столько же прибуду. До встречи.

Он бросил «пока» и отсоединился. Сеструха как будто знала, когда нужна ему. Пусть для обычного разговора. Сам Матвей не любил навязываться. Нет, он, конечно, и сам мог ей позвонить, и с удовольствием приглашал подружку куда-нибудь, но только если был в хорошем настроении. В плохом же, как говорила мама, всегда забивался под камешек. А все потому, что по гороскопу Матвей рак.

К ресторану он подъехал через двадцать минут, как и обещал. Зашел. Сеструха уже поджидала его за столиком. Увидев Матвея, помахала рукой. Он ответил кивком.

Они познакомились шесть лет назад. Матвей купил новые коньки и хотел их обкатать, но ребята, с которыми он когда-то играл в хоккей, были на сборах, а одному идти не хотелось. И он пригласил старого школьного друга Вадика. Он пришел не один, а со своей девушкой. Верой.

Когда Матвей увидел ее впервые, то еле сдержал удивление. Уж очень хорошенькой оказалась девушка. Фигурка ладная, из-под шапки выбиваются чудесные темные локоны, носик точеный, улыбка...

Вот только глаза прикрыты зеркальными очками, и ни формы, ни цвета не разглядишь – лишь свое отражение. На фоне Веры Вадик смотрелся заморышем.

В классе он был самым невзрачным мальчиком. Маленьким, до прозрачности худым, лопухим до такой степени, что голова напоминала греческую амфору, где вместо ручек уши. С возрастом Вадик не стал ни выше, ни крепче, ни краше. Из-за чего комплексовал страшно. Девушек как огня боялся. А вот в мужской компании не тушевался. Был общительным, веселым, довольно дерзким. А еще бескорыстным, ответственным, преданным. Матвей обожал друга, но сильно сомневался в том, что тот когда-то вступит в отношения...

И вот он приходит на каток с девушкой. Да какой!

Матвей, пока Вера не видела, показал другу оттопыренный большой палец. Типа одобряю, брат, твой выбор.

Вадик смущенно улыбнулся.

Они чудесно провели время тогда. Накатались, насмеялись и решили после катка посидеть где-нибудь и выпить горячего шоколада. Приятное место, где это можно сделать, нашли быстро. Семейный ресторанчик с доступными ценами и уютной обстановкой оказался совсем неподалеку. Они зашли, заняли столик, сделали заказ.

Вера все это время оставалась в шапке и очках. И если головной убор можно было как-то объяснить, например, тем, что волосы под ним вспотели и легли кое-как, то очки...

Уж не фингал ли у нее под глазом, подумал было Матвей.

– Верунь, сняла бы ты свои противотуманки, – обратился к девушке Вадик. – А то Матвей подумает, что я тебя бью и ты синяки прячешь.

– Я так и подумал, – улыбнулся Матвей.

Вера их веселья не разделила. Стала очень серьезной и немного нахохлилась. Будто обидели ее.

– Перестань стесняться, – мягко проговорил Вадик.

Вера немного поколебалась, но затем решительно сорвала очки...

Точно одежду с себя скинула и голой предстала перед ними!

Когда Матвей увидел ее без очков, понял, почему девушка стеснялась – один глаз был явно больше другого. Но в принципе Веру это не особо портило. Матвей ободряюще улыбнулся ей. Девушка ответила, но робко.

Вадик вытащил телефон. До этого он уже сфотографировал Матвея со своей девушкой, хотел сделать еще кадр, но Вера наотрез отказалась позировать. Закрыла лицо салфеткой и сердито заявила, что если он не выключит камеру, она встанет и уйдет. Вадика ничего не осталось, как подчиниться.

Она выпили по кружке горячего шоколада, съели по штруделю. Вадик насытился, Вера объелась, а Матвей возжелал еще что-нибудь слопать. Они склонились над меню, выбирая, что заказать, когда к ним подбежал малыш лет трех. Он с мамой и старшей сестрой занимал соседний столик. Мальчишка схватился за помпон Вериной шапки, яркий, крупный, похожий на мячик помпон, и дернул. Шапка слетела с головы девушки...

И все увидели шишку на ее черепе!

Малыш тут же начал рыдать. Мать бросилась к нему, чтобы успокоить. Но тот захлебывался ревом. Он испугался.

Вера, подняв с пола брошенную ребенком шапку, натянула ее на голову и, ни на кого не глядя, побежала к выходу. Вадик за ней. Матвей хотел последовать следом, да вспомнил, что они еще не расплатились. В итоге на улице оказался только минуты через три. Но Вадика с подругой он смог нагнать.

– Ты чего реवेशь? – обратился он к Вере, по лицу которой текли слезы. Вадик пытался их утирать, но она отмахивалась.

– Я чудище, пугающее детей.

– Добро пожаловать в мой мир.

Она посмотрела на Матвея с недоумением.

– Да меня каждый второй ребенок боится, – хмыкнул он. – Ты посмотри на меня. Я ж вылитый великан-людоед! Огrrrrr...

– Что за глупости?

Матвей остановился, чуть согнул спину, сжал кулаки, насупил брови и зарычал. В общем, проделал все то, что герой мультфильма Шрек, когда желал кого-то напугать.

Вера рассмеялась. Слезы ее сразу высохли.

– Вот так лучше! – Он обнял Веру и Вадика за шеи и повел их к стоянке. Всем им нужно было по домам.

С того дня они стали видеться довольно часто. Ходили куда-нибудь втроем или вчетвером, если Матвей брал с собой кого-то из подружек.

Как-то Вадик позвонил ему и попросил срочно приехать.

– Дело крайней важности, – сказал он. – Это касается Веры.

И больше никаких комментариев.

Когда Матвей приехал к другу, то застал у него Веру. Вид у девушки был сердитый и... упрямый. Она приняла какое-то твердое решение, по-видимому, Вадик с ней не соглашался, и это ее злило.

– Что у вас стряслось? – спросил Матвей.

– Она собирается подвергнуть себя опасной для жизни операции, – выпалил Вадик. – Лечь под нож какого-то азиатского коновала.

– Он отличный специалист и прошел практику в одной из самых престижных клиник Америки.

– В которой тебе отказали в операции! – Вадик схватил Матвея за руку: – Скажи ей... Отговори! Может, она тебя послушает?

– Даже не пытайся, – ответила Вера.

– Но Вадик прав. Рисковать жизнью ради красоты глупо.

– Нормальности – не красоты. Это разные вещи.

– Но я люблю тебя и такой, как ты считаешь, ненормальной! – вопил Вадик. – Для меня ты самая прекрасная женщина на свете.

– Мне этого мало, – отрезала она, затем встала и ушла. Проводить себя никому из мужчин не позволила.

Через неделю Вадик примчался к Матвею в слезах. Тот впервые видел плачущего друга. Перепугался. Решил, что кто-то умер.

– Она бросила меня, – выпалил Вадик и швырнул на стол бархатную коробочку.

– Что это?

– Кольцо. Я сделал Вере предложение. Решил, что если она поймет, как я серьезно к ней отношусь, то передумает ложиться под нож... Но она... – Вадик всхлипнул. Его длинный нос покраснел и распух. Матвей протянул ему платок. Но Вадик отмахнулся и утерся рукавом. – Она не просто отказалась выйти за меня замуж. Она порвала со мной.

– Ты слишком давишь, вот она и...

– Нет, она просто меня не любит. Так и сказала. И я ей поверил. Глаза не врут. Я и раньше сомневался в ее чувствах. Она так на меня смотрела... Со скукой, что ли? Знаешь, вот когда смотришь кино, которое тебе не особо интересно, но больше делать нечего, вот и тарачишься в экран... Она так же на меня смотрела, как в тот экран. Без интереса. А сегодня, когда я перед ней на колени встал, так даже с какой-то тоской на меня глянула. И сказала, что не выйдет, потому что не любит. А раз так, нам нужно расстаться.

– Что намерен делать?

– А что я могу? Посоветуй.

– Из меня советчик в сердечных делах никакой. Мои отношения дольше двух месяцев не длятся.

– Мои продлились восемь месяцев. И видишь, чем закончились?

– Что, если это не конец, а пауза? Подожди, вернется с Филиппин...

– Если вернется.

– Не каркай!

– Ладно, не буду. Надеюсь, операция сорвется. Ведь такое уже случилось. Она летала в Израиль, но ей отказали.

На Филиппины Вера отправилась спустя неделю. Матвей провожал ее.

– Ты не звони мне, – сказала она, когда прощались. – Я сама буду.

И, чмокнув его в щеку, унеслась к стойке регистрации.

Матвей ослушался. Позвонил ей спустя три дня. Он беспокоился и хотел узнать, как она. Но телефон был выключен.

Вера связалась с Матвеем, когда он уже начал думать, что она умерла под ножом филиппинского коновала. Сказала, что с ней все в порядке.

– Тебе отказали в операции?

– Нет. Мне сделали ее.

– О, поздравляю! И как ты?

– Все хорошо. От наркоза только долго отходила, но как пришла в себя, включила телефон и позвонила тебе.

– Надеюсь, результат тебя не разочаровал?

– Сейчас я еще страшнее, чем до операции, – рассмеялась она. – Но думаю, что, когда все заживет, буду красоткой... – Пауза. – Представляешь, Матвей? Я буду не просто такой, как все. Я стану по-настоящему привлекательной женщиной.

– По мне, ты и так была хоть куда.

– Лысец!

– Не спросишь, как Вадик?

– И как он?

– Страдает по тебе.

– Ничего, это пройдет.

– Привет ему от тебя передать?

– Как хочешь.

И голос такой равнодушный, что ясно – ей нет дела до бывшего жениха.

На том разговор и закончили.

В следующий раз Вера позвонила через две недели. Сообщила, что вернулась в Россию.

На предложение встретиться ответила отказом:

– Я пока не готова. Как буду – позвоню, встретимся.

Готовилась Вера долго. Больше месяца. И наконец позвонила, чтобы пригласить на каток. Тот самый, на котором они познакомились.

Матвей стоял, привалившись к бортику, когда Вера явилась. Он едва не упал от неожиданности, увидев ее. Вернее, когда понял, что перед ним именно она.

– Ого! – только и смог сказать Матвей.

Она на самом деле стала красавицей. Хотя Матвею не очень понравилась прическа – короткая, с асимметричной прямой челкой, спускающейся до глаза. Но потом он понял: челка закрывает шрам. Вера еще и волосы покрасила в более темный цвет. Стала казаться старше, но эффектнее.

– Как? – спросила Вера.

– Нет слов.

– Только «ого»?

– «Вау» тоже подойдет. Реально классно выглядишь, Вера!

– Как другой человек?

– Наверное... На себя не очень похожа. Но я просто еще не привык к твоему новому образу... Да и не видел тебя давно.

– Я другой человек, Матвей. У меня даже новое имя. Теперь я Виола. Прошу, обращайся ко мне так.

Он не сразу привык и к имени тоже, не только к ее новому образу. Но все же смог. И довольно быстро. В тот день он еще сбивался, называл подругу по старинке Верой, но когда они встретились в следующий раз, ни разу не ошибся. Хотя они напились! Причем крепко. Обмыли новую внешность и имя. Тогда Матвей спросил, не жалеет ли Виола о том, что отвергла Вадика.

– Нет, – без колебаний ответила она.

– Он стал бы хорошим мужем.

– Знаю. Но не для меня. Я свяжу свою судьбу только с тем, кого полюблю.

– Чувство могло бы прийти. Так бывает...

– Наверное. Но к Вадиду оно не возникло бы.

– Почему?

– Он некрасивый!

Матвея это покорило. Как можно делить людей вот по такому признаку? И браковать их, если внешность далека от идеала? Это по меньшей мере неумно.

– Ты не поймешь, – добавила Виола. Она как будто прочла его мысли. – Как и никто другой из вашей лебединой стаи.

– Я огррр! Забыла?

– Что ты выдумываешь? Ты совсем на Шрека не похож.

– На принца Обворожительного тоже...

Матвей на самом деле классическим красавцем не был. Да и как может считаться таким мужчина с кривым носом и шрамом на подбородке? Боевые раны (а это были именно они – ему «прилетело» от шведов в финальном матче юниорской лиги), как считается, мужчин красят, но Матвей так не думал. До травм он выглядел гораздо симпатичнее. И уж точно не так опасно. Сейчас же некоторые принимали его за бандита. Особенно если он не успевал побриться. Дело в том, что он был очень волосат, и щетина чуть ли не до глаз доходила. И вот встречается тебе в темном переулке громила с кривым носом и шрамом, с бородищей и похожими на кувалды волосатыми ручищами. За кого такого принять? Уж точно не за бренд-менеджера издательства!

И все же девушкам Матвей нравился. И все благодаря глазам. Будь они маленькими, невыразительными или, того хуже, глубоко посаженными, образ неандертальца сложился бы.

Но глаза у Матвея были большими, живыми, лучистыми. Цвет – серо-зеленый. На контрасте с темно-русыми волосами и широкими бровями того же цвета смотрелись как два драгоценных камня. Когда он улыбался, глаза играли. Их блеск манил и завораживал девушек.

Вот и сейчас, когда Матвей зашел в ресторан и заговорил с администратором женского пола, барышня, заглянув в его глаза, расплылась в улыбке. Хотя до этого смотрела настороженно. Матвей улыбнулся в ответ. Два зуба он потерял примерно в том же возрасте, когда повредил нос, но благодаря хорошему дантисту, а также тому факту, что Матвей перестал играть в хоккей профессионально, его улыбка была безупречна.

* * *

Матвей плюхнулся на стул. Не спросив разрешения, схватил стакан сеструхи и сделал пару добрых глотков. Пить хотелось ужасно! Промочив горло, он сконфуженно пробормотал:

– Кажется, я выдул всю твою воду. Извини. – В стакане на самом деле оставалось совсем чуть жидкости и долька лайма на дне.

– Допивай уж.

Матвей так и сделал.

– Ты чего такой взмыленный? – спросила Виола.

– Просто жажда мучает. Наелся перченых сухарей.

Сеструха достала из сумочки зеркало и протянула его Матвею. Он глянул на себя и застонал. Волосы не просто топорщились, они дыбом стояли. А все из-за того, что Матвей немного вспотел. Так что вид у него и вправду был взмыленный.

– А все ты виновата, – проворчал он, пригладив космы. – Если б я тебя когда-то не послушался и не отрастил волосы, ходил бы как человек...

– Только что откинувшийся, – закончила за него Виола. – Ты со своей прической «под ноль» походил на уголовника.

– Я стригся не «под ноль», не ври. Прическа моя называлась «под машинку». То есть волосы на моей голове были.

– Намек на них. И то по прошествии двух недель. Но ты тут же от них избавлялся.

– Потому что у меня непослушные волосы. Они торчат в разные стороны! Теперь-то ты видишь?

– Просто их укладывать надо нормально.

– А я что делаю по утрам?

– Ты просто расчесываешь и сушишь. А надо пользоваться пенкой для укладки. А челку лаком сбрызгивать.

– Еще губы посоветуй мне накрасить! – возмутился Матвей. Ему уже от того, что волосы приходилось укладывать феном при помощи круглой расчески, было немного не по себе.

– Кстати, гигиенической помадой можно. А то они у тебя сохнут.

– Сеструха, заткнись, а?

Виола рассмеялась. Она считала Матвея гомофобом и постоянно его подкалывала. Хотя Матвей в принципе ничего против ребят нетрадиционной ориентации не имел. Главное, чтоб они держались от него подальше.

К ним подошел официант. Матвей сделал заказ и отправился в туалет. Когда вернулся, на столе стояли напитки. А перед Виолой еще и салат.

– Что за гадость? – брезгливо спросил Матвей, глянув на тарелку.

– Ничего ты не понимаешь! Это не гадость, а вкусность. И полезность!

– А конкретнее?

– Проросшие ростки пшеницы и овса с щупальцами осьминога. Заправлено льняным маслом с соком лимона.

– Фу! – скривился Матвей. – Лучше бы заказала, как и планировала, мясо.

– И его заказала. Очень я голодная... – Она отправила в рот кусок осьминога и ожесточенно заработала челюстями – видимо, морского гада переварили.

Матвей глотнул воды и с тоской посмотрел в сторону кухни. Когда там его заказ принесут? Он тоже был голоден.

– Хочешь? – Виола протягивала ему вилку, на которую был нанизан кусок мяса осьминога и росток пшеницы (или овса?).

Он скривился.

– Да попробуй, вкусно.

Матвей подцепил зубами мясо, а росток оставил.

– Да, ничего, – вынужден был признать он, прожевав. – Только жестковато.

– Согласна. Передержали в кипятке.

– Как твои дела? – спросил Матвей, умыкнув с тарелки сеструхи еще один кусок мяса.

– Отлично.

– Не пиликай.

– Да правда... – Но тут же сдалась: – Кое-какие проблемы с работой.

– Серьезные?

– Скажем, средней тяжести. Сейчас у всех дела не очень. Кризис.

– Это да... – Матвей радостно подпрыгнул, увидев их официанта с подносом. – Вот только проблемы средней тяжести ты не заедаешь. И тем более не запиваешь. Ведь это уже второй фужер, я прав?

– Прав, – не стала отпираться Виола. – Только мой внутренний раздрай никак не связан с работой.

– С чем-то личным?

– Ни с чем конкретным. Просто тошно как-то. Если б я верила в предчувствие, то сказала бы, что дело в нем. У меня вот тут сейчас... – Она приложила руку к груди на уровне сердца. – Душно! Вот как перед грозой бывает, понимаешь?

– Да. У меня такое тоже было.

– И?..

– Сходил к врачу, что и тебе сделать советую. Кардиограмму надо снять. У тебя наверняка сердечко начало пошаливать. – И, заметив, как сеструха недовольно поджала губы, добавил: – Я просто, как и ты, не верю в предчувствия.

Тут в сумочке Виолы запиликал телефон. Сигнал был отвратительный. Матвея передергивало, когда он его слышал. Просил поменять, но Виола категорически отказывалась. Говорила, что другие просто не воспринимает.

– Алло, – проговорила она в трубку. – Да, это я. А с кем я...? О... – Глаза стали большими. – Здравствуйте... – Она напряженно слушала, постукивая вилкой по столу. Вдруг прибор выпал у нее из рук. – Что? Какой кошмар! – Лицо Виолы побледнело. – Да, да, конечно. Когда? Я хоть сегодня. Договорились. До свидания.

Она медленно опустила телефон на стол.

– Вот и не верь после этого в предчувствия, – сипло проговорила Виола.

– Что случилось?

– Красотуля умерла.

– Умерла? – не поверил своим ушам Матвей. Он знал эту девушку (пусть и шапочно – через сеструху), молодая, здоровая и... жизнеспособная, что ли? Есть такие люди, глядя на которых думаешь – до ста лет доживут. – Что с ней случилось?

– Ее убили. Звонил следователь, хотел поговорить.

И, сложив ладони ковшиком, уронила в них лицо. Плечи затряслись. До Матвея донеслись всхлипывания...

Ни разу до этого он не слышал плача Виолы!

Глава 3

Бородин сидел на высоком стуле и задумчиво щупал женскую грудь.

– Нет, вы ошибаетесь, – сказал он наконец. – У вас симметричная грудь.

– Как же симметричная, если правая ниже левой висит?

– Это допустимая норма. У всех женщин одно полушарие чуть меньше другого. У вас настолько незначительно, что я не советовал бы вам...

– Я хочу изменить грудь! – не дала закончить ему пациентка. – Сделать ее симметричной. Абсолютно, понимаете? И большой!

– У вас уверенная двойка. При вашем хрупком телосложении грудь большего размера не будет выглядеть гармонично.

– Двойка! – фыркнула барышня. – Хочу пятый!

Бородин тяжело вздохнул. Она не первая молодая тощая дурочка, желающая обзавестись двумя дынями в области декольте. Что не красиво – пусть. А как она будет таскать их, дурища?

– Третий, не больше, – отрезал Бородин. – Не устраивает, идите к другому врачу.

– Так вы за клиентов боритесь, значит?

– Милая Светочка, – имена пациентов он старался запоминать, – я давно не борюсь за них. Клиентов хватает. Вас, кстати, я принял исключительно потому, что об этом меня попросил главврач, родной брат которого является вашим... э... покровителем. – Брату главного было хорошо за пятьдесят, он имел дом на Рублевке, бизнес, жену, двух дочек и внука. А двадцатилетняя Светочка имела смазливое личико, миленькие ножки, аттестат средней школы и непомерные амбиции.

– Хорошо, четвертый, – не стала артачиться девушка.

– Третий. Но полный. Налитой! Вот, посмотрите, какой... – Он вынул из ящика имплант и подал пациентке.

Она схватила его и принялась мять.

– Можете примерить. Приложите к груди. Увидите, как вам идет именно этот размер. А легкую асимметрию я уберу, это не проблема...

Пока клиентка прилаживала к груди две силиконовые подушечки, Бородин наливал себе воды. Вчера он выпивал с друзьями, и теперь его мучил, как в народе говорили, сушняк.

Зазвонил рабочий телефон. Бородин поднял трубку.

– Викентий Сергеевич, к вам пришли, – услышал он голос секретаря.

– Клиент без записи?

– Нет. Из полиции. Старший оперуполномоченный Карелин.

– Карели, – поправил ее опер – Бородин услышал это.

– Впустите сразу после того, как мой кабинет покинет клиентка, – бросил доктор своей секретарше. После чего отсоединился.

Светочку, оставшуюся довольной предложенным размером, удалось выпроводить через десять минут. А все потому, что ей хотя и нравилась полная тройка, но хотелось хотя бы четверку. Пусть и не налитую. Немного поторговались. Последнее слово осталось за Бородиным.

– Можно? – услышал он мужской голос. Это, выпустив из кабинета Светочку, в него заходил полицейский.

– Прошу. – Бородин пригласил визитера, указав на кресло рядом со столом.

Тот прошел, а перед тем как сесть, протянул руку и представился:

– Майор Карели. Иван Федорович.

– Викентий Сергеевич Бородин, – назвался доктор и пожал крепкую пятерню майора.

– Занятое у вас имя.

– Оно не сравнимо с вашей фамилией.

– В точку, – улыбнулся майор.

Это был приятный мужчина невысокого роста. С пшеничными усами и шевелюрой. Бородину он напомнил доктора Ватсона в исполнении Виталия Соломина.

– Дед у меня итальянец. Фамилия его Корелли. Произносится через «э», а не «е». Довольно распространенная, кстати сказать, на Сицилии. Но одна «л» выпала еще при регистрации моего отца. А мне еще и первую гласную заменили. Так что я Карели.

– На итальянца вы совсем не похожи, – заметил Бородин.

– А вы на Викентия, – рассмеялся тот. – Ведь это какое-то старославянское имя?

– А вот и нет. Оно как раз римское. Означает «побеждающий».

– Так мы с вами оба итальянцы, значит!

– Типа того, – хрюкнул Бородин. Он хоть и был темноволос, кудряв и смугл, и его обычно принимали за кого угодно, только не славянина, в родне имел, кроме русичей, только одного прибалта. – Хотите чаю, кофе?

– От водички не отказался бы.

Бородин кивнул головой и разлил остатки минералки по стаканам.

– Вы ко мне по какому делу? – поинтересовался он у майора, протянув ему воду.

– По делу об убийстве. Одну из ваших пациенток сегодня ночью зарезали.

– Прежде чем спросить какую, я хотел бы уточнить – а как вы узнали, что она моя пациентка? Я вроде автографов на своих работах не ставлю...

– В ее сумочке найден чек из вашей клиники. В ней указано имя доктора.

– Хм... Значит, недавно было? Это хорошо, не нужно будет поднимать карточки со снимками, чтобы вспомнить ее. Как имя, фамилия пострадавшей?

– Олеся Красотуля.

– Красотулю? Убили? О боже!

– То есть вы помните ее?

– Конечно. И не потому, что она не так давно была у меня. Просто эта девушка... она... таких не забывают!

– С чем это связано?

– Солнечный человек. Сгусток теплой энергии. Когда она в кабинет заходила, светлее становилось... – Бородин опустил на стул и уронил голову на согнутую и сжатую в кулак руку. А-ля Роденовский «Мыслитель». – У кого рука только поднялась? Не могу поверить...

– Никто не верит. Все, с кем успели побеседовать, реагируют на новость примерно так же, как и вы. Все в шоке.

– Красотуля всегда говорила, что хочет жить вечно, но поскольку это невозможно, планирует отметить столетие и только после этого задуматься о смерти. Я нисколько не сомневался, что так и будет. Она доживет...

– Вы так хорошо ее знали?

– Неплохо.

– Встречались вне клиники?

– Нет. Это запрещает врачебная этика. Но Красотуля была постоянной клиенткой нашей клиники, и мы много общались.

– Когда она пришла к вам впервые?

– Два года назад. Ей тогда было двадцать. Когда девушка вошла в кабинет, я восхитился ею.

– Это из-за того сияния, про которое вы...?

– Да-да! Понимаете, я видел много внешней красоты. Сам ее создавал. Меня не удивит. А вот внутренняя для меня ценна. И Красотуля была красотулей даже тогда, когда ее лицо и тело не были совершенными. Хотите покажу, как она выглядела до того, как я взялся за нее?

– Да, конечно.

Бородин открыл ящик с картотекой и нашел папку Олеси.

– Вот, смотрите! – Он выложил перед Карели фото, на котором была изображена Красотуля перед первой своей операцией. – Как вам девушка?

– Никак. Невзрачная, на мой взгляд. Но и не дурнушка.

– Фото не может передать настоящей красоты. В этом дело! Но в жизни она была... – Он не хотел повторяться, поэтому оборвал предложение. – Но вы сами понимаете, какое сейчас время. Глянец правит миром. Особенно девичьим. Модные журналы, рейтинги, гламур чертов. Соцсети, сэлфи, лайки, статусы и прочая фигня! Красотуля так хотела соответствовать своей фамилии, что явилась ко мне.

– Что она хотела переделать? – спросил Карели, рассматривая фото. Видимых изъянов во внешности Олеси не наблюдалось.

– Все!

– И за что вы взялись?

– Я оперировал ей нос и увеличивал грудь. Губы она изменила при помощи инъекций в нашей же клинике, но не у меня. Еще она исправляла форму лица: подбородок, скулы. Где, не знаю. То есть мне она досталась уже «не девственницей».

– Да, нос у нее не очень был. Да и грудь маловата. А вот губы я бы оставил, как есть.

– Я вообще все бы оставил, как есть! О чем говорил ей. Советовал просто к хорошему стилисту обратиться. У Красотули отец богатый. Он ушел из семьи, когда Олесе было двенадцать, но продолжал содержать дочку. Она могла себе позволить любого имиджмейкера. Но девушка считала, что должна стать совершенной. Толстый нос, подбородок выпирающий, грудь нулевая практически. Нельзя жить с такими «недостатками». Я и мои коллеги устранили их. Грудь, кстати, в последнюю очередь переделана была. То есть недавно. У нее доброкачественная опухоль имела, удаляла, потом ждали, когда заживет.

– Да, она была в компрессионном белье. И счет из клиники за эту процедуру в сумке обнаружился.

– Теперь в гробу с красивыми сиськами лежать будет, – пробормотал Бородин, не сразу поняв, что озвучил свои мысли.

– Скажите, Викентий Сергеевич, имелись ли у Олеси враги или просто недоброжелатели? Я так понял, она с вами довольно откровенна была...

– Ее все обожали! Друзей было море. Если забывала отключать мобильный перед тем, как в кабинет войти, так на второй минуте приходилось это исправлять. Ее телефон просто-таки обрывали. Красотуля очень легко сходилась с людьми. Подкупала всех своей солнечностью. У нас весь персонал ее обожает. С кем-то, как мне кажется, она даже могла крепко подружиться. Вы опросите работников.

– Обязательно. – Майор залпом выпил воду. – А с отцом отношения какие?

– Отличные. Операции оплачивал он. Красотуля была студенткой, не работала.

– А с его новой женой и детьми, если таковые появились, ладила?

– Вроде бы. Рассказывала про братика сводного, с которым любит играть в компьютерные стрелялки. Причем у него дома. Значит, вхожа в новую семью. Олеся вообще никогда ни о ком дурно не отзывалась.

– Это солнышко миновали затмения?

– Создавалось такое впечатление.

– А у нее был парень, жених, сожитель?

Бородин задумался. Впервые за время этой беседы (допрос сей диалог не напоминал) он не знал, какой ответ дать.

– Я не знаю, – честно признался Бородин. – Красотуля много рассказывала о себе, но об интимном, сокровенном никогда. У меня сложилось впечатление, что Олеся вообще не особо

интересуется мужчинами. Она вся в общении, движении, познании. Причем зачастую виртуально. Красотуля была очень активным пользователем Интернета.

– Из породы тех, что не притронутся к обеду, не сфотографировав его, чтобы выложить снимок в инстаграм? Среди современной молодежи сейчас таких подавляющее большинство. Увы. Кстати, Олесю убили сразу после того, как она сделала селфи, но не успела выложить снимок.

Бородин горестно вздохнул.

– Викентий Сергеевич, а что вы делали сегодня между двумя и тремя часами ночи? – огорошил его вопросом майор.

– Я так понял, это примерное время смерти Олеси? – Тот кивнул. – То есть я подозреваемый?

– Я просто задал вопрос.

– Спал я в это время.

– На всякий случай спрашиваю, это кто-то может подтвердить?

– Нет, я живу один. Мы с друзьями вчера попойнствовали немного, разошлись в двенадцать, я сразу уснул.

– Что ж, спасибо за беседу, Викентий Сергеевич. Если еще будут вопросы, я свяжусь с вами. А если не я, то кто-то из моих коллег. Не дадите личный номер?

Бородин протянул визитку.

– До свидания, – попрощался с ним майор и покинул кабинет.

В дверь тут же сунулась секретарша.

– Пациентка ждет уже десять минут, можно впускать?

– Через пару минут. И, будь добра, принеси еще воды.

Когда секретарша скрылась за дверью, Бородин вытер вспотевший лоб рукавом халата.

Беседа с опером тяжело ему далась. И все же Викентий был уверен, он был убедительным, и Карели ничего не заподозрил. Одно плохо, об алиби не подумал заранее...

Глава 4

Женщина, стоящая у окна, была прекрасна!

Тонкая, высокая, грациозная. Поза, в которой она застыла, позволяла оценить изящный изгиб бедра. Женщина стояла, чуть отставив длинную ногу, и Родион едва сдерживался, чтобы не упасть на колени и не прижаться к ней губами.

Он подошел к проигрывателю компакт-дисков (старенькому, но служившему верой и правдой), нажал на кнопку пуска. Из динамика зазвучала красивая инструментальная композиция. Родион слушал только такую. Или пение а-капелла. По его мнению, музыка и голос не сочетались. Либо одно, либо другое. Иначе одно отвлекает от другого. А зачастую марает... одно или другое.

– Как ты прекрасна! – прошептал Родион. Он знал, женщина не услышит его. Но это не имело значения. Он хотел сказать это, вот и сказал.

Из окна лился солнечный свет. Не слепящий, полуденный, а приглушенный, предзакатный. Очень теплый, мягкий, уютный. С бронзовыми бликами. Этот свет обволакивал тело женщины, и она была похожа на статую.

Родион подошел к ней, медленно опустился на корточки.

Робко приложился щекой к ее ноге. Она оказалась теплой. Солнце нагрело ее.

Закрыв глаза, Родион стал тереться о колено женщины. Как кот. И только потом позволил себе запечатлеть на нем поцелуй.

– Родя! – послышалось из-за двери. – Родя, ты дома?

Он вскочил на ноги, едва не уронив женщину. Она бы рухнула на пол, но Родион успел ее удержать.

– Родя!

– Тут я, тут! Иду! – проорал он и стал торопливо натягивать на себя одежду. До этого момента он был обнаженным. Как и его женщина.

В дверь заколотили.

– Ты зачем запираешься? Что за моду взял? – возмутился дед, явившийся, как всегда, без предупреждения. – Живет один и запирается, как будто в коммуналке!

– Если бы ты не шастал, не запирался бы, – пробурчал Родион себе под нос и бросился открывать.

Квартира эта принадлежала деду. Поэтому он и заваливался в нее, когда хотел.

Когда Родя разменял четвертый десяток, на семейном совете было решено отселить его от родителей. А то, живя с ними под одной крышей, так и не женится. Когда завтраки готовит и носки стирает мама, в заботе другой женщины не нуждаешься. А будет один обитать, глядишь, озаботится поиском второй половинки. Опять же станет для барышень более привлекательным. Мужчина, в тридцать лет живущий с мамой и папой, мало кого заинтересует.

И дед пошел на жертву. Он согласился уступить внуку свою квартиру, сам переехал к дочке с зятем. Однако без присмотра Родю не оставил. Навещал чуть ли ни через день. То цветы проверить, то сантехнику, она была старой, то почту. И Родю, конечно же! Сам дед в молодости был, как он сам выражался – «борогозником». Любил выпить, погулять. Женщин обожал. Из-за чего с первой женой развелся. Та не смогла его измены терпеть. И если б один жил в те годы, то устраивал бы в квартире «фестивали» (опять же слово из его лексикона). А если бы был трезвенником, как внук, то уж девочек водил бы точно.

Вот только Родя, как ни приди, всегда бывал в квартире один. Если, конечно, не считать пластиковой бабы, что стояла у окна. Дед, когда первый раз ее увидел с улицы, подумал, живая. Решил, внук обзавелся подружкой. А оказалось, у окна манекен стоит.

По прошествии полугода, ровно столько Родя жил отдельно, манекен продолжал стоять на том же месте. Что деда выводило из себя!

– Убери ты эту дуру пластиковую от окна, – громыхнул он, ввалившись в комнату. – Зачем ей стоять именно здесь?

– Я тебе объяснял двадцать раз.

– Ты все про освещение?

– Именно.

– Родя, я понимаю, вы, творческие натуры, с прибабахом, но соображалка и у вас есть. Работаешь – ставь к окну. Уходишь из дома – убирай. У тебя же она вечно тут стоит! Зачем?

– Сейчас я работал...

– Что-то я не вижу тряпок!

– Я создавал образ в голове.

– А! – Дед в сердцах махнул рукой и зашагал в кухню.

Родион был модельером. Вернее, пытался им стать. Поэтому наличие манекена в доме не вызывало подозрений. Тем более Родя постоянно на него, вернее, нее, Леду (именно такое имя он дал своей пластиковой красавице), надевал наряды собственного производства. Все думали, он создает коллекцию. Но то, во что он наряжал Леду, предназначалось лишь ей. А у окна она стояла всегда потому, что Родя, возвращаясь домой, хотел видеть ее. Леда как будто встречала его. Ждала... Стоя у окна. На котором тюль был настолько прозрачный, что не маскировал ничего, а подергивал словно дымкой точеный силуэт.

– Пойдем пить чай, – послышалось из кухни. – Мать пирогов прислала, твоих любимых, со щавелем.

Родя поспешил на зов. Пирогі эти он на самом деле обожал. Никто не мог их печь так, как его мама. Родион много раз спрашивал у нее, в чем секрет, она лишь пожимала плечами и отвечала, что не нужно жалеть сахара, готовя начинку.

Пирогі он любил запивать молоком. К счастью, оно в холодильнике имелось. Оказавшись в кухне, Родя достал коробку и вылил ее содержимое в большую кружку, именуемую бульонницей.

– Как твои дела? – спросил дед, заваривая себе чай. Молоко он терпеть не мог с детства.

– Нормально.

– Вечно у тебя так...

– Разве это плохо?

– Конечно. Нормально – это никак. – Дед скрестил руки на груди и посмотрел на внука своим фирменным, как выражалась мама, прокурорским взглядом: – Девушку не завел?

– Нет.

– Почему?

– Дед, это же не котенка завести. Пошел в зоомагазин или на птичий рынок и выбрал того, кто приглянулся.

– По мне, так даже проще! Котят только в зоомагазинах и на птичьих рынках продают. А девушки, они везде. На улице, в метро, в кафе. Я, бывало, за день с пятью знакомился, с тремя встречался и с парой в койке оказывался.

– Дед, сейчас другие времена. На улицах мало кто знакомится.

– А где знакомятся?

– В Интернете.

– Тьфу! – Дед в сердцах сплюнул. – Там такое подсунут. Вон мать твоя заказала себе платье на юбилей. Так прислали не тот размер и цвет. Так ведь и с девушкой получиться может. Знакомишься со стройной блондинкой, а на свидание толстуха придет с красными волосами! Да еще, не дай бог, с пробитым носом и зеленым драконом на плече. – Это дел имел в виду

пирсинг и татуировку. Девушки, что украшали себя подобным образом, его ужасали. – Ладно, возьму это дело в свои руки.

– Не надо! – возопил Родя, едва не подавившись пирогом.

– Поспрашиваю у знакомых своих, может, есть у кого внучка на выданье, – не стал его слушать дед. – Меня тоже с твоей бабкой родственники познакомили. И как жили хорошо.

Родя мысленно усмехнулся. Это дед с бабкой хорошо жили? Да он постоянно куролесил, а она его за это поедом ела. Но в отличие от первой супруги терпела. Что в конечном итоге свело ее в могилу довольно рано – умерла бабушка в пятьдесят девять лет от сердечного приступа.

– Ладно, пойду я, – сказал дед, когда пироги были съедены. – Футбол через два часа, а у тебя телевизор крохотный! Неужто не можешь себе нормальный купить? В кредит же дают.

– Мне достаточно и такого. Ты же знаешь, я не любитель телевидения.

Он проводил деда до двери. Попрошался с ним. После чего вернулся в комнату... К своей Леде.

Он нашел ее на свалке. Только переехав в квартиру деда, понес выбросить стариковский хлам и увидел эту женщину. Она лежала в куче мусора, отмокших после дождя ящиков, тряпок, поломанной мебели. Родя не сразу понял, что это манекен. В свете заходящего солнца кожа казалась живой, чуть загорелой, бархатной. Решив, что девушка жертва какого-то преступления, он бросился к ней на помощь. Оказалось, помощь не требовалась. В куче мусора лежала пластмассовая кукла.

Родион поднял манекен, осмотрел. Не заметив особых повреждений, взял с собой. Ему, как модельеру, не помешает.

Он отмыл Леду (тогда, правда, она еще не имела имени), кое-где, как сказал бы дед, подшаманил и поставил у окна, чтобы естественно осветить силуэт. При искусственном освещении манекен совсем не походил на человека, а ему нужно было представить, как будет выглядеть настоящая женщина в платье, что он задумал. Он накидывал на плечи Леды ткани, подбирал, выбрав нужный материал, драпировал, скалывал. В итоге так увлекся, что вместо того, чтобы отправиться спать, занялся кроем, затем уселся за машинку. Платье было готово к утру! Пусть и без чистовой отделки. Оно получилось невероятным. Роде даже снимать с манекена его не хотелось. Да и лень было – он чудовищно устал. Не потрудившись раздеться, он рухнул на кровать и вырубился...

Ему приснилась Леда! Это имя пришло во сне, да...

Родион помнил, что так звали древнегреческую царицу, которой Зевс, плененный ее красотой, овладел, обратившись лебедем. А так как платье, что он сшил для пластиковой девушки, отдаленно напоминало греческую тунику, а его широкие рукава – крылья, то имя ей чрезвычайно подходило.

Родин смотрел на нее и тут уловил движение. Леда чуть повела плечом. Затем изогнула шею. Ее приподнятая и согнутая в локте рука вытянулась. Леда будто разглядывала себя. А скорее платье, что сшил для нее Родя. Изучив его, она повернулась. Лицо было так же безмятежно. Но в нем появилось нечто... Внутренний свет? Он наполнил глаза и рот лаской. Леда улыбалась Роде. И чуть заметно кивала головой. Благодарила за наряд.

Сон оборвался неожиданно. Родя отлежал руку, которую сунул под голову, пришлось менять позу. Когда он сделал это, сон ушел.

Открыв глаза, Родион посмотрел на Леду. На миг ему показалось, что она все еще жива. Солнечный свет падал на нее таким образом, что создавалось впечатление, будто она чуть повернула корпус, чтоб поглядывать из-за плеча на Родю. Вот только это была иллюзия! Увы...

После той ночи, а вернее утра, он не мог относиться к своей находке, как к обычному манекену. Для него она была женщиной, душу которой какой-то гневливый бог (не Зевс ли?) заключил в тюрьму пластикового тела. Хорошо, что она могла иногда покидать его, являясь к Роде в снах...

Да и сны ли то были?

Уж очень реальны.

Родя полюбил Леду не сразу, но очень скоро. Впервые за тридцать лет это чувство накрыло его.

Он всегда был со странностями. С чудинкой, как говорила мама. Или, как выражался дед, имеющий свой неповторимый лексикон, «с фиалками в башке». Родители считали это проявлением творческой натуры – Родя прекрасно рисовал, лепил, вязал, и радовались тому, что сын не хулиган и двоечник. Уж лучше пусть сам с собою разговаривает или ни с того ни с сего начинает что-то напевать, да не дома, а на уроке или в переполненной маршрутке, зато тихий и прилежный. А вот дедушку это беспокоило. Не должен, по его мнению, пацан таким быть. А уж когда он увидел, как Родя салфеточки крючком вяжет да спицами шарфики, забил тревогу.

– Ваш сын растет педалькой, – выдал он как-то дочери.

– Кем? – опешила та.

– Заднеприводным.

– Папа, что за технические термины? Педали, приводы... Объясни толком.

– Да гомосексуалистом растет твой сын.

– Перестань! – возмутилась мать.

– Точно тебе говорю.

– Знаю. Тебе не нравится его хобби, ты считаешь, что вяжут только женщины, но это не так. К тому же Родя хочет стать модельером...

– Да, да. Среди них как раз большая половина педалек, – не отступался дед.

Но оскорбленная мама не пожелала его больше слушать. Упрямый дед вернулся к этому разговору спустя время, когда внук учился в десятом классе.

– Ты все еще будешь утверждать, что Родя не сбитый компас?

– Чего?

– С ненормальной ориентацией.

– Опять ты за свое! – простонала мама. – Да, теперь он еще шьет и собирает украшения.

Но это не доказательство...

– Это – нет. Юдашкин с Зайцевым тоже шьют, а семьи имеют, я почитал. А вот что у Роди девочки нет, это наводит на размышления.

– Ему только семнадцать. Не у всех в этом возрасте они есть.

– Но он даже симпатию не проявляет ни к какой! Не говорит, кто ему нравится, в гости никого не зовет.

– Он и мальчиков не зовет. Такой он у нас.

Да. Он был такой. Не просто закрытый – забетонированный, как бомбоубежище. Даже родителей держал на большом расстоянии, а уж посторонних подавно. Хотя был со всеми вежлив, мог поддержать разговор, посмеяться. С одноклассниками и ребятам из художки нормально ладил. Но ни с одним не поддерживал отношения вне школы.

Мама начала беспокоиться, когда сыну исполнилось двадцать пять. У некоторых его ровесников семьи, у большинства невесты, у кого-то куча девушек, а у Роди никого. Она, грешным делом, стала мечтать о том, чтоб ее сын оказался геем. Тогда все объяснимо. И не так подозрительно. Да, ей хотелось бы видеть сына... кхм... не сбитым компасом, но лучше уж он будет им, а не вечным одиночкой. А что? Сейчас за границей и брачными узами им сочтаться разрешили, и детей усыновлять позволят скоро. И в России стали терпимее относиться к однополым союзам...

Но Родя не проявлял интереса и к парням тоже!

Она пыталась с ним разговаривать на эту тему. Но сын отвечал уклончиво, а чуть надавишь, он нырк в свой бетонный бункер, и попробуй достучись.

Когда Родя отметил свое двадцатисемилетие, родители облегченно выдохнули. Их сын стал встречаться с девушками. Домой никого не приводил, но начал подолгу разговаривать по телефону (мама прислушивалась – голоса были женские), какие-то подарочки покупать, иногда его привозили девушки к подъезду или забирали, и Родя до утра где-то пропадал. Вот только выводы их были ошибочными. Родион устроился работать в крупное модельное агентство помощником директора, и все его контакты с барышнями носили сугубо деловой характер, пусть и с налетом приятельских отношений. Уж такой был этот модельный бизнес, в нем все делали вид, что без ума друг от друга. А ночами он за моделями на крупных показах в каких-нибудь клубах присматривал. Вот и все...

Родион вернулся в комнату. К Леде.

Пока они с дедом кушали, солнце скрылось. Не за горизонтом, а за тринадцатипятиэтажкой, стоящей напротив дедова дома. В сумрачном свете тело Леды совсем не походило на живое. Но хуже другое, на нем становились заметны изъяны – вмятинки на пластике, пятнышки. Чтобы не видеть их, Родя торопливо натянул на Леду платье. А ее голову обвязал шарфом.

Теперь совсем другое дело!

Как живая...

Он послал Леде воздушный поцелуй и направился в соседнюю комнату. В мастерскую. Там его ждало незаконченное свадебное платье. Он работал над ним уже неделю, дольше, чем над всеми остальными туалетами, но дело пока к завершению не близилось. А все из-за Родиных метаний. Хотелось сшить что-то грандиозное. Идей было много, вот он и переделывал свадебный наряд уже три раза. Но и последним вариантом был не очень доволен.

Зазвонил телефон. Родя отправился на его поиски. Была у него дурная привычка засовывать сотовый то под диван, то под подушку, то в ящик. А как-то он обнаружил его в холодильнике. Убирая туда масло, машинально и телефон положил.

На сей раз место, в котором он нашелся, оказалось не таким экзотическим. Всего лишь «карман» швейной машинки. Телефон лежал среди ниток и шпулек. Родя взял его, поднес к уху.

– Родя, ты не представляешь, что произошло!.. – услышал он возбужденный крик своей знакомой модели. – Это просто кошмар!

– Слишком длинное вступление, – буркнул он. – Переходи к сути. Что случилось?

– Убийство! – Голос сорвался. «И» прозвучало как визг. Родя передернулся, неприятный звук.

– Кто погиб?

– Красотуля! На нее ночью напали, когда из ресторана шла. А я, представляешь, только утром ее видела. А вечером лайкала ее свежие фотки... И вот ее нет!

– Это печально.

Повисла пауза.

– Ты так это говоришь, будто тебе все равно, – вновь заговорила девушка. Голос у нее был уже не возбужденный, а недовольный. – Или ты уже знал о том, что она мертва?

А он на самом деле знал...

Роде это приснилось. Поэтому свадебное платье, которое он шил для Красотули, в последнем варианте напоминало саван.

Глава 5

Виола постучала в дверь и, услышав «Войдите», толкнула ее.

– Добрый вечер, – поздоровалась она с сидящим за столом мужчиной.

– Добрый, – откликнулся он. – Вы Виола Игоревна Лебедева?

– Она самая.

– Проходите. – Когда Виола села на предложенный ей стул, следователь представился. – Старший лейтенант Внуков Петр Петрович.

Следователь ей понравился сразу. Был он какой-то к себе располагающий, как киношный мент из старых сериалов про разбитые фонари и убойную силу. У настоящих полицейских редко такие лица бывают. Профессия отпечаток накладывает, делаю их напряженнее, жестче, сумрачнее. Как-то на отдыхе Виола познакомилась с девушкой-парикмахером. Очень хорошенькой кучерявой блондиночкой. Фигурка точеная. Ростик маленький. Глаза голубые, широко распахнутые. Милый такой пуделек на первый взгляд. Но стоит присмотреться... Если что-то было не по ее, блондиночка резко преображалась. Пуделек показывал клыки, ощети- нивался и уже не производил впечатление милого зверька, которого хочется потискать. Спасаться от такого нужно, пока не покусал. Потом девушка «раскололась» и сообщила, что она дознаватель в прокуратуре. А про парикмахерскую врала, чтоб мужчин не отпугивать.

– Виола Игоревна, как давно вы знаете Олесю Красотулю? – обратился к ней с первым вопросом Внуков.

– Чуть больше двух лет.

– Где познакомились?

– В клинике эстетической хирургии. Мы ждали приема у разных докторов, кабинеты которых находились по соседству. Разговорились и как-то сразу друг к другу прониклись.

– Вы можете себя назвать ее подругой?

– Да, бесспорно.

– Значит, она делилась с вами секретами?

– Кое-какими.

– Сокровенными? Ну, знаете, как в «Сексе в большом городе»?

– Она не посвящала меня в подробности своей интимной жизни, если вы об этом.

– Нет, я о другом. О чувствах, отношениях.

Виола задумалась.

– Нет, – наконец ответила она. – Но тут, может быть, я виновата. Я сама не любитель выносить сор из избы... скажем... своего сердца.

– Но вы и не производите впечатление человека, у которого душа нараспашку. А Красотуля, как все говорят, была как раз из таких. Не сходится.

Виола вынуждена была с ним согласиться. Не сходилось что-то. Когда у Красотули появился котенок, она своими «ми-ми-ми» замучила всех. А уж сколько фотографий выкинула в Сеть – не счесть! Но ни разу Виола не слышала от нее рассказов о парнях. Нет, о друзьях она щебетала беспрестанно. А вот о чем-то больше... Ни разу.

– А если у нее никого не было? – предположила Виола. – Ни жениха, ни парня, ни объекта тайной влюбленности...

– У красивой, молодой, активной, эмоциональной? Как-то странно.

– К чему вы клоните?

– Получается, что никто не знает, какая она, настоящая Красотуля. И это затрудняет нам работу. Ее убили. И это значит, что девушку окружали не только друзья (хотя по мне, если люди не делятся секретами друг с другом, они, скорее, приятели), но и враги. – Внуков взял со стола блокнот, пролистал его. Виола думала, что сейчас все делают записи в планшетах

и коммуникаторах, а оказывается, некоторые еще по старинке – ручкой на бумаге. – Красотуля звонила вам за пятнадцать минут до смерти. И это была ночь. Что она хотела?

– Прежде чем ответить, я должна сказать вам, что для Красотули не было таких понятий, как день и ночь. Она жила в своем ритме, не подвластном трактованию.

– То есть не сова и не жаворонок?

– Хуже. Она просто не замечала смены времен суток. И дни не особо считала. Иногда удивлялась, что, к примеру, уже наступила пятница. Она думала, среда. Красотуля вечно опаздывала, забывала о встречах. Но на нее никто не обижался.

– Как же она умудрилась сделать несколько операций? На них тоже опаздывала или не являлась?

– Особо важные встречи она отмечала в электронном ежедневнике и дублировала их по старинке... – Она указала на его блокнот. – Только пользовалась стикерами. И наклеивала их на зеркало в ванной и на холодильник.

– А училась как? Она же студентка.

– Заочница. С кучей долгов и богатым папой, который давал денег на их погашение (не секрет, что преподаватели берут взятки, не все, но многие). А теперь к вопросу, прозвучавшему ранее. Красотуля позвонила, чтобы позвать меня погулять. Сказала, что находится недалеко от моего дома, и мы можем через двадцать минут встретиться.

– И что же вы?

– Отказалась, конечно. Мне нужно было рано вставать, я не могла лечь под утро.

– Она не обиделась?

– Красотуля никогда не обижалась. Сказала, что позвонит Роберте, она в том же районе живет. И мы распрощались.

– Кто такая Роберта?

– Вообще его зовут Робертом. Фамилии не знаю. Он транс.

– Хм... – Внуков сделал запись в блокноте. – Не звонила Олеся Роберте. Как и никому другому. Звонок вам был последним.

– Значит, отвлеклась на селфи. Она если не болтала по телефону, то делала фотографии или выкладывала их.

– Мы попытались восстановить хронологию событий. Вышло так: Олеся, расплатившись, вышла в туалет, вероятно, там и позвонила вам, вы поговорили, после чего она сделала несколько фотографий. Но выкладывать не стала. И вышла на улицу. Телефон держала в руке. Возможно, хотела найти в нем номер Роберты. Но что-то привлекло Олесино внимание, и она сошла с тротуара...

– И умерла?

Внуков кивнул. Они еще немного поговорили. Но Виола ничем следствию не помогла, и ее отпустили.

Покинув здание, она направилась к шоссе, чтобы поймать машину. Виола имела права, а когда-то и авто, но, поняв, что куда лучше себя ощущает в роли пассажира, продала его. На московских дорогах она терялась. Не могла привыкнуть к агрессивному, а зачастую хамскому отношению друг к другу остальных участников движения. А вот за границей ездить любила. Если отправлялась туда, то брала машину напрокат и каталась, каталась, каталась... Ездил от одного маленького городка к другому, от пляжа к пляжу, от одной достопримечательности до следующей...

Когда Виола села в машину, зазвонил ее телефон.

– Салют, Ромик, – поприветствовала она двоюродного брата.

– Салют. Ты куда пропала?

– Разве я пропала? Вроде недавно созванивались.

– Неделя уже прошла.

- Ой, правда?
- А не виделись вообще месяц.
- Да я что-то закружилась.
- Раскруживайся давай и дуй к нам.
- Ром, я устала как черт. Давай завтра?
- То есть про мамины именины ты забыла?

Виола застонала.

- Значит, угадал.
- Виновата, каюсь. И чтобы искупить вину, мчусь к вам.
- Не забудь купить...
- Хризантемы, я помню. У нее еще комната в цветах не утопает?
- Пока нет. Ждет твоего букета. Все, давай подгребай. О том, что ты забыла об именинах,

я маме не скажу.

Виола устало вздохнула и назвала водителю новый адрес.

Тетушка (та самая, что работала косметологом) очень трепетно относилась к своим именинам. Звали ее Риммой. Имя она свое обожала. Особенно за то, что оно редкое. А еще ее любимой актрисой была Римма Маркова. На которую она, к слову, была похожа. Не внешне, нет. Тетя Римма была хрупкой, тонколицей и выглядела очень молодо. Что неудивительно – за собой она ухаживала тщательно. А вот характером актрису Маркову напоминала. Боевая, чуть грубоватая, безапелляционная, у нее было прозвище Генерал.

Дни своего рождения тетя Римма последнее десятилетие не отмечала. Не видела смысла устраивать празднества по поводу того, что жизненный путь сократился на год. Но поскольку ей нравились поздравления и подарки, она повелела всем чествовать ее четвертого июля – в День ангела. Вообще-то именины Риммы были еще в феврале, но что это за праздник, когда за окном выюжит и метет? Опять же хризантемы могут померзнуть, пока поздравитель идет с ними от магазина до ее дома.

Виола попросила таксиста остановить у цветочной палатки. Пока выбирала хризантемы, размышляла о том, что еще кроме них подарить. Времени на походы по магазинам нет. А по ним именно ходить надо. Долго и упорно. Потому что дрянь какую-нибудь (по ее разумению) тетка не примет. Скажет, не надо мне это «гэ», себе оставь, коль нравится. Причем от стоимости подарка ничего не зависело. Как-то сын купил ей антикварную японскую куклу. Заплатил за нее бешеные деньги. Но Римма подарок отвергла. Велела сыну у себя в комнате куклу поставить.

- Ты же сама хотела! – возмутился он.
- Не выдумывай.
- Ты сказала, что очень тебе нравятся японские куклы. Я купил не простую, антикварную...

– Мне нравятся красивые гейши с зонтиками и в кимоно! – рявкнула Римма. – А ты мне какого-то косоглазого мордворота суешь.

- Это борец сумо. В Японии их почитают чуть ли не как членов императорской семьи.
- Вот и забирай себе этого жирдяя. А я гейшу хотела.
- Хорошо, в следующий раз ее куплю.
- Нет, не надо. Что-то мне вообще эти куклы дурацкие разонравились, – отрезала Римма.

Виола выбрала цветы, расплатилась и собралась вернуться к машине, но тут увидела между горшками с фиалками причудливую корягу. Присмотревшись, поняла, что это цапля. Какой-то умелец смог предать форму птицы полену, да так искусно, что работа его не сразу видна.

- Девушка, – обратилась Виола к продавцу, – а у вас вот эта фигурка продается? Та покачала головой.

– А за столько? – Виола вынула из кошелька пяти тысячную купюру. Больше налички у нее просто не было, разве тысяча рублей на проезд.

Продавщица с хитрой улыбкой вытянула ладошку. Виола положила на нее денежку, и та быстро скрылась в кармане ее джинсов.

– Можете завернуть ее в красивую бумагу? – попросила Виола.

– Запросто. Триста рублей.

Виоле ничего не осталось, как достать заветную тысячу. Придется теперь еще и у банкомата останавливаться.

Когда она добралась до дома тетки, уже начало темнеть.

– Ба, какие люди! – первое, что услышала она, когда дверь открылась.

– Римма, дорогая, с днем ангела! – Виола обняла тетку. – Держи, это тебе!

– Я уж думала, забыла, – проворчала та.

– Как я могла? – Виола исподтишка подмигнула брату. – Римма, ты, как всегда, прекрасна! – искренне восхитилась она женщиной.

Тетка на самом деле выглядела изумительно. Свежая кожа, красиво уложенные белокурые волосы, платье-халат в пол, а на шее нитка жемчуга. Римма считала, что его могут носить только дамы за пятьдесят, и сразу, как разменяла шестой десяток, купила себе эти бусы для особых случаев. В будние дни она носила бижутерию или серебро, но обязательно что-нибудь причудливое.

– А это у нас что? – Тетка стала нетерпеливо разворачивать подарок. – Коряга? – недоуменно пробормотала она.

Виола отобрала у нее подарок и поставила его на трюмо.

– Смотри внимательнее!

Римма скептически уставилась на «корягу».

– Ой! – выдохнула она. – Неужели? Цапля?

– А? Как тебе?

– Верка, это самый лучший подарок на сегодня! Спасибо!

Виола, которую тетка называла Веркой с детства и плевать хотела на то, что та сменила имя, знала, что угодит тетке. Та цапель обожала. Считала их самыми красивыми птицами. Их, а не каких-нибудь лебедей да фламинго. Поэтому близкие одаривали ее посудой с цаплями, бельем с цаплями, фигурками цапель. Вот только все это было уже избито. А вот деревянная цапля – это эксклюзив.

– Значит, я тебе с подарком опять не угодил? – обиженно пропыхтел Рома.

– Почему? Очень мне он понравился.

– А лучший все-таки Виолин?

Римма потрепала сына по волосам (он стремительно лысел, но они еще имелись на голове), проговорив «Дурашка», затем пригласила гостью к столу. На нем стояли лишь фрукты, но Римма дала команду сыну, и тот натаскал из холодильника салатов и нарезок.

– Голодная? – спросила она у Виолы.

– Как волк.

– Редко от тебя такое слышу. Ромчик, погрей сестре еще мяска. Волки его уважают.

Рома беспрекословно подчинился. Он с детства был очень послушным. Но никто бы не назвал его размазней. Мог и волевые решения принимать, и быть жестким.

Если опустить детство, школьные годы, прошедшие очень спокойно, в студенческую пору он постоянно отстаивал свои права. Порой, с помощью кулаков – у него почему-то не сложились отношения с сокурсниками. А однажды, когда они с приятелем выиграли крупную сумму в автоматы, не дал разбазарить ее. Просто отобрал и положил на счет под очень хорошие проценты. Сказал, пусть деньги приумножаются, а если останутся на руках, мы их прогуляем, а скорее проиграем. Приятель пытался выцарапать их. Сначала просил, потом грозил. Но Рома

был непреклонен. Через год получишь, говорил он. С процентами. И ровно через год отдал приятелю. Оба на эти деньги машины купили. Пусть и подержанные.

А вот мать из Ромки веревки вила. Что раньше, что сейчас. Сын обожал ее. А если чем-то расстраивал, не находил себе места и готов был на все, чтобы заслужить прощение. В пятнадцать лет он сделал маленькую татуировку на предплечье. Наколол обожаемую мамой хризантему. Но ей не понравилось. Она не любила татуировки, терпела на других, но не на сыне. И Ромка содрал ее! Наждачной бумагой. Но и этого Римма не оценила. Обозвала дураком и неделю с ним не разговаривала...

– Мама звонила? – спросила Виола, буквально накидываясь на «греческий» салат.

– Дождешься от нее, – фыркнула тетка.

Сестры вдрызг разругались четыре года назад. Из-за наследства. Бабуля скончалась после продолжительной болезни, оставив свою квартиру матери Виолы. Римма считала это несправедливым и потребовала половину. Но сестра встала в позу. Заявила, что если она за матерью ухаживала последние полтора года, то и наследство ее. Сестра Виолы Оля встала на сторону матери. Что неудивительно, ведь именно она въехала в квартиру. А вот Виола поддержала тетку. Хотя в конфликте не участвовала. Просто высказала маме свое мнение. Та разобиделась и на нее, не разговаривала с «предательницей» какое-то время. Но потом простила. А вот с сестрой так общаться и не начала. Ждала, когда та первой пойдет на примирение. Как будто не знала Римму! Та могла переупрямить кого угодно.

– Что-то у тебя вид замотанный, – заметил Рома, принесший мясо.

– Сын, бутылочку достань. – Римма положила и себе салата «оливье». Ей повезло с конституцией. Не следя особо за питанием, она сохраняла стройность. – И Ромик прав, ты выглядишь усталой.

– День такой... Не очень.

– Что-то случилось?

– Убили одну мою подругу. Ездил к следователю показания давать.

– Ой, какая жалость...

– Кого? – спросил Рома, поставив на стол бутылку вина. – Я ее знаю?

– Ты нет. А вот мама твоя – да.

– Серьезно? – Римма оторвалась от салата. – И кто же это?

– Красотуля.

– Какая еще...?

– Помнишь, я ее приводила к тебе в салон на процедуру по очистке кожи?

– А, эта! А почему она Красотуля?

– Фамилия такая.

– Надо же, какая неподходящая.

– Я помню, она тебе не понравилась.

– Не люблю искусственных людей.

– Даже меня?

– Ой, ну что ты сравниваешь! У тебя к операциям были показания. А эти дуры... Перекраивают себе рожи, думая, что станут краше. А ни фиги... – Тетка вернулась к еде, пока Рома разливал вино по фужерам. – Кстати, она не пришла на повторную процедуру, хотя требовалось...

– Думаю, Красотуля почувствовала твое отношение к себе и сменила косметолога.

– Молодая была совсем. Жаль. Но не будем о грустном! Давайте выпьем за меня!

– За тебя, Риммочка.

– За тебя, мамуль!

И они, как говорила тетка, созвонились бокалами. Впервые за день Виола почувствовала, что напряжение ее покинуло. Вот что значит оказаться среди родных.

Глава 6

Бородин брел от стоянки к подъезду. Ему хотелось попасть домой поскорее, но ноги быстрее не передвигались, будто на каждой было по пудовой гире, а на спине мешок с углем.

– Я каторжник, – бормотал Бородин. – И что ужаснее всего, добровольный.

Он глянул на часы – полночь. А он еще не в кровати. И даже не под душем. И не на кухне за поеданием ужина. Он только возвращается с работы.

Вот наконец и подъездная дверь. Поднося магнитный ключ к замку, он заметил, что его рука подрагивает.

– Только этого не хватало, – простонал он. – Завтра операция в десять.

За последние два месяца он замечал подобное трижды. Но ни разу за работой, а только вечерами, когда валился с ног от усталости.

Бородин поднялся на свой этаж, открыл квартирную дверь, вошел.

Облегчение он испытал сразу, как переступил порог. Такая у его дома была атмосфера!

Викентий приобрел эту квартиру три года назад. До этого два с половиной искал подходящую. Риелторы его уже проклинали, поскольку угодить Бородину, как им казалось, невозможно. Они представили несколько десятков объектов: и первичное жилье, и вторичное, и даже ветхое – клиент готов был вложиться в реконструкцию и капитальный ремонт. Но ему все не нравилось! Бородин даже стал подумывать о том, чтобы отказаться от идеи сменить жилье. У него хорошая квартира, пусть и не очень большая. Уж лучше в ней остаться, чем переезжать в не милые сердцу хоромы.

И тут свершилось чудо. Один из пациентов (мужчины обращаются к пластическим хирургам довольно часто) сообщил, что отправляется на ПМЖ в Австралию и будет избавляться от московской недвижимости. Бородин, ни на что особо не надеясь, попросил показать ему квартиру. И тем же вечером увидел. И решил, что купит ее, едва переступив порог. Бородин еще не рассмотрел планировку и наличие ремонта, не знал, куда выходят окна, какова высота потолков, светлая квартира или темная, все вдруг перестало иметь для него значение. Оказавшись в этой трешке, он почувствовал себя дома.

Впоследствии оказалось, что ему повезло. Квартира была отлично перепланирована и неплохо отделана. Бородин обошелся лишь косметическим ремонтом в своей спальне и коридоре. А еще разбил на лоджии зимний сад, поставил там кресло-качалку и столик с кальяном. Оборудовал, в общем, место для отдохновения. Разувшись, Викентий прошел на кухню. Она была просторной, в стиле хай-тек. Сначала он планировал изменить дизайн. Кухня была непривычной, будто бы холодной, неудобной. Но оказалось, здесь приятно находиться. Много света, пространства, все функционально. К тому же зачем выкидывать кучу денег на новый дизайн-проект, если в кухне только по утрам кофе пьешь и закидываешь в себя поздний ужин.

Ополоснув руки, Бородин открыл холодильник и пробежал глазами по полкам. От большинства холостяков он отличался тем, что всегда имел запас еды. Причем нормальной, свежей. А не заветренной или, того хуже, плесневелой. Полуфабрикаты Вениамин не признавал, так что замороженных пельменей, котлет и мини-пицц в его холодильнике не водилось. А вот овощи, фрукты, сыры, масло, яйца, несколько видов сырокопченой колбаски всегда наличествовали. Бородин обычно ужинал салатом и бутербродами. Изредка яичницей с зеленью. Конечно, хотелось ему и борща, и тех же самых пельменей, но не магазинных, а домашних, но готовить самому было некогда, а кухарки он не держал.

Соорудив салат и пару бутербродов с колбасой, а также заварив чай, он уселся за стол и принялся за ужин.

Аппетита не было, но Бородин заставлял себя есть. Он очень похудел в последнее время. И некоторым казалось, что это симптом какой-то серьезной болезни. А на самом деле он просто

нерегулярно питался. Когда он был не так востребован как специалист, то не пропускал обедов, полноценных, с первым, вторым и компотом, и регулярно полдничал. Теперь же, как правило, ел два раза в день. Но что обиднее всего, фирменным шашлыком друга Гурама, с которым учился на одном курсе, лакомился от силы раз в год. Именно с ним и еще с двумя ребятами, тоже врачами, он вчера пировал. Впервые за календарный год. А раньше собирались не реже чем раз в месяц.

Бородин с детства мечтал стать пластическим хирургом. Когда его отец-скульптор ваял свои творения – обычно коммунистических вождей, лишь иногда девушек с веслами или серпами, Вениамин наблюдал за ним. Ему нравилось следить за тем, как глина, размятая руками папы, приобретает форму. Вот только она, форма, зачастую, разочаровывала мальчика. Некрасивые лысые дяди, коренастые тети были не очень привлекательны. Он спрашивал у отца, а нельзя сделать их красивее? Глина мягкая, из нее что хочешь вылепишь: и точеный нос, и красивые скулы, и аккуратные уши. Но тот в ответ смеялся и говорил, что люди сделаны из другого материала.

– И что? – недоумевал Вик.

– Их не вылепишь. А скульптор должен быть правдив, поэтому я воспроизвожу реальность.

– А я стану человеческим скульптором! И буду лепить живых, как глину.

Тогда он еще не понимал, что выбрал для себя профессию. Осознание пришло позже, когда Бородин учился в пятом классе. Помнится, он сидел за партой, слушал, как учительница географии рассказывает о равнинах средней полосы, и рассматривал ее лицо. Преподавательница была очень хорошей женщиной, но некрасивой. Ее дразнили уткой, поскольку она была немного похожа на эту птицу. Викентий изучал лицо училки, пока не понял, что для того, чтобы она похорошела, надо всего лишь укоротить ей нос и перекроить верхнюю, выступающую губу. Тогда ему и вспомнилась детская мечта стать человеческим скульптором. И Бородин решил, что изберет профессию пластического хирурга. Бутерброды были съедены, чай выпит. Викентий сполоснул посуду и отправился в ванную. Сейчас быстро примет душ и ляжет в кровать. Спать он не собирался. Хотел немного почитать и посмотреть телевизор. Только вряд ли долго протянет. Скорее всего, сон сморит минут через десять, книга выпадет из рук, а телевизор, поставленный на таймер, выключится.

Бородин, перед тем как зайти в душевую, глянул на себя в зеркало. Исхудал, да...

Лицо стало узким, костистым. Но все равно осталось красивым.

Доктор Бородин был сапожником с сапогами. Пластическим хирургом с лицом без единого изъяна.

В махровом халате и с полотенцем на голове (его густые и жесткие волосы долго сохли) он вышел из ванной комнаты. Проследовал в спальню. Небольшую, очень уютную, чем-то напоминающую девичью. То есть ни «траходрома», ни зеркал на потолке, ни картин в стиле ню – ничего из того, что ассоциировалось с понятием «спальня обеспеченного холостяка». Круглая кровать под пушистым покрывалом, над ней светильники из рисовой бумаги, персиковый ковролин, антикварный шкаф из ореха с виньетками. А плазменный телевизор, висящий на стене, замаскирован панно с изображением пруда, поросшего лотосами. Плюхнувшись на кровать, Викентий взял пульт и нажал на одну из кнопок. Панно отъехало, явив телевизор. Нажал на вторую, задернулись занавески. Третью – погасло основное освещение.

Устроившись поудобнее и включив «Дискавери», Бородин потянулся к книге. «Пятьдесят оттенков серого». Решил прочесть, так сказать, для общего развития. Начал три месяца назад, но так и не дошел до середины.

Рука замерла над книгой. Затем переместилась левее и опустилась на планшет. Он тоже лежал на прикроватной тумбочке.

Включив его, Бородин зашел в Интернет, чтобы проверить личную почту. У него было два ящика, один официальный, который он просматривал с рабочего компьютера, а второй, как он сам называл, НДВ – не для всех то есть. Этот адрес был известен редким людям. Другим, например, или любовницам.

Открыв НДВ, Бородин обнаружил два новых письма.

Оба от...

Красотули!

– Письма мертвого человека, – передернувшись, прошептал Бородин.

Олеся прислала их вчера вечером. А ночью ее не стало.

Бородин, не читая, выбросил письма в корзину. Немного подумав, очистил ее. Но все равно не успокоился. И удалил почтовый ящик. Оставалось надеяться, что программисты из МВД, которые наверняка уже шарят по аккаунтам Красотули, не вычислят, кому он принадлежал.

Иначе ему хана!

Часть вторая

Глава 1

Виола стояла у гроба Красотули, одной рукой утирая слезы, второй поддерживая под локоть Роберту. Та уже один раз упала в обморок, не хотелось, чтоб это повторилось.

– Как ты? – спросила она у скорбящей подруги покойницы. Сама-то Виола плохо Роберту знала, но та почему-то в день похорон льнула именно к ней.

– Не знаю, как я это выдержу, – всхлипнула девушка.

Роберта на самом деле совсем не походила на парня. Стройная, маленькая, очень симпатичная шатенка была женственнее многих истинных представительниц слабого пола. А то, что могло бы выдать ее настоящим пол, а именно кадык, прикрывал черный шифон – Роберта накинула на голову шарф, а его концы обмотала вокруг шеи.

– Красотулю даже смерть не испортила! – услышала Виола чей-то шепот. Чуть обернувшись, увидела парня с льняными волосами до плеч. Цвет был натуральным. Виоле подумалось, что он похож на эльфа из фильма «Властелин колец». – Я бы даже сказал, смерть сделала ее еще прекраснее...

Эльф адресовал свои реплики не ей и не кому-то другому. Он говорил сам с собой. Замолчав, он шагнул к гробу и положил на него веточку гипсофилы. Как ни странно, это скромное растение, обычно попадающее в букет только для того, чтобы подчеркнуть красоту роз, удивительно смотрелось. На его фоне блекли гвоздики, каллы и хризантемы – те цветы, что принесли другие участники погребальной церемонии.

– Кто это? – поинтересовалась Виола у Роберты.

– Родион Горячев.

– Имя мне ни о чем не говорит.

– Модельер, что сшил саван, в котором Красотуля сейчас.

Вообще-то в гробу Олеся лежала в платье. Оно напоминало чем-то свадебное. Но и саван тоже. В любом случае это был совершенно фантастический погребальный наряд. Дополнял его венок из кружева. Судя по всему, его также изготовил «эльф».

– Он был ее другом? – продолжила расспросы Виола, уводя Роберту от гроба.

– На той планете, откуда Родя родом, нет такого понятия, как дружба. Они общались и сотрудничали.

– Про планету я не очень поняла.

– Он странный очень. Как пришелец со звезд. Непонятный. И творения его такие же...

– Платье, что он создал для Красотули, прекрасно.

– Вообще оно задумывалось как свадебное. Ты бы пошла в таком под венец?

– Нет.

– Вот я как раз про это. Его платье нельзя носить в повседневной жизни. Поэтому Родя никак не может найти своего покупателя.

– Ему надо шить театральные костюмы.

– Или саваны... – Роберта увидела два свободных стула и предложила: – Давай присядем.

Они так и сделали. Роберта тут же переключила свое внимание на соседку с другой стороны, и Виола смогла осмотреться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.